

МОСКВА,
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ,
18 АВГУСТА

ОГОНЁК

№ 35 АВГУСТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 35 (1836)

26 АВГУСТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

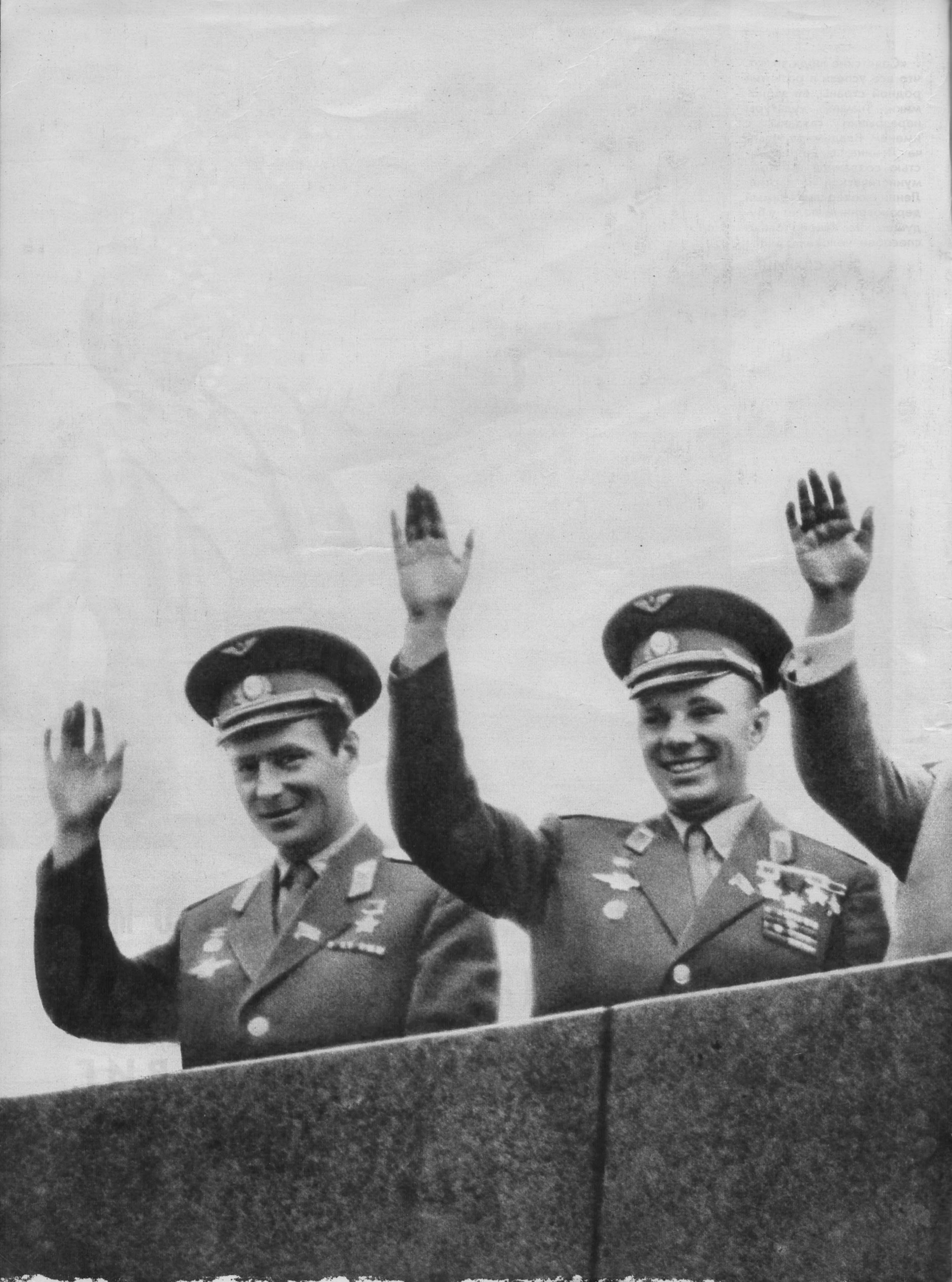
«Советские люди знают, что все успехи в развитии родной страны, ее экономики, науки, культуры неразрывно связаны с именем Владимира Ильича Ленина, с деятельностью созданной им Коммунистической партии. Ленин совершил самый дерзновенный полет в будущее, на какой только способен человек».

Н. С. ХРУЩЕВ

СТРАНА САЛЮТУЕТ ПЕРВОМУ СОВЕТСКОМУ ЗЕМЛЯЧЕСТВУ В КОСМОСЕ.

ПОДВИГ ГЕРОЕВ — ЭТО ПОДВИГ НАРОДА, ТРИУМФ НАШЕЙ НАУКИ, ТЕХНИКИ, ТОРЖЕСТВО НАШЕГО СТРОЯ!

Первые минуты на родной московской земле. Как дорогих сынов, встречают космонавтов руководители партии и правительства.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ВАМ,

← Плечом к плечу, по легендарной красной ковровой дорожке.

Н. С. Хрущев здоровается с отцом П. Р. Поповича — Романом Порфирьевичем.

Земные объятия небесных братьев.

Здравствуйте, дорогие москвичи!

НЕБЕСНЫЕ БРАТЬЯ!

Из космоса — на Ленинский проспект, в ликующую столицу.

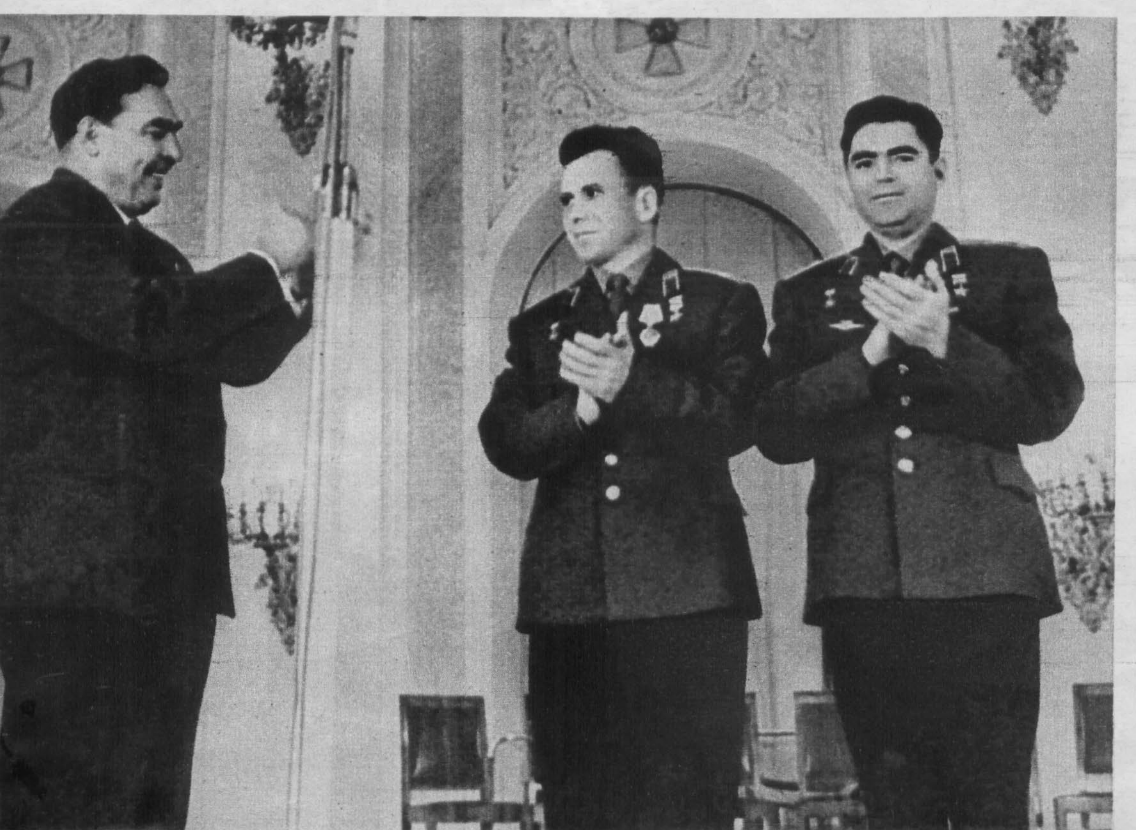

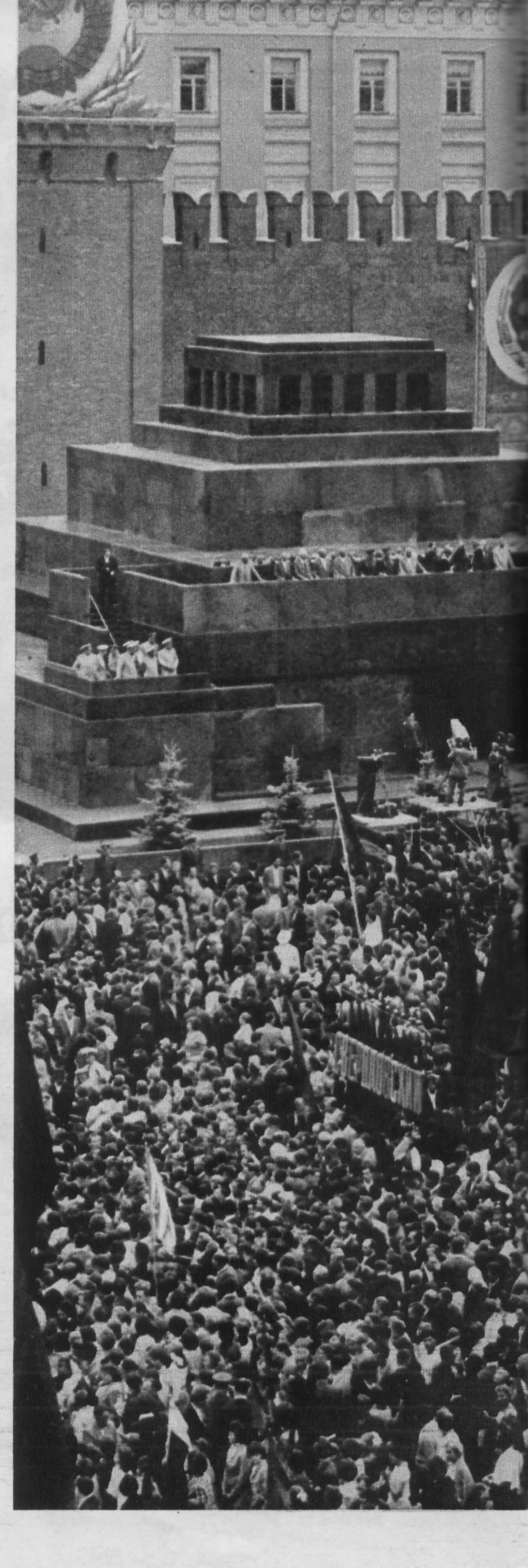
В Кремле. Никита Сергеевич Хрущев, Андриян Григорьевич Николаев, Павел Романович Попович и родные космонавтов.

Семьи космонавтов на трибуне Мавзолея.

Леонид Ильич Брежнев поздравляет А. Г. Николаева и П. Р. Поповича с высоким званием Героя Советского Союза.

КОСМИЧЕСКАЯ ТРА

Репортаж вели: Л. Бородулин, Г. Копосов, Ю. Кривоносов, С. Раскин, М. Скурихина, Е. Халдей, И. Тункель, В. Черединцев.

ССА ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ...

От души приветствуем читателей „Огонька"
Николаев - Попович

«СОКОЛ» И «БЕРКУТ» УХОДЯТ В КОСМОС...

(Из журналистского блокнота)

Н. ДЕНИСОВ

Накануне старта

Мы, небольшая группа журналистов, прилетели на космодром поздним вечером, более чем за сутки до старта «Востока-3», и сразу же, что называется, с головой окунулись в ту напряженную, но очень размеренную работу, которую вели здесь космонавты, ученые, конструкторы, инженеры, рабочие, врачи, расчет стартовой команды, специалисты различных профессий.

Беседуем с Председателем Государственной комиссии — общительным, веселым человеком, большим специалистом и крупным организатором. Введя нас в курс дела, он дал ряд советов: где побывать в первую очередь, на что обратить бóльшее внимание, с кем из специалистов обязательно встретиться.

С космонавтами мы уже повидались, ибо разместились в одном с ними доме, питаемся в одной столовой. На ужин нам предлагали уху, сваренную из рыбы, пойманной космонавтами на вчерашней рыбалке. У них выдалось несколько свободных часов, и друзья отправились на реку. Кто взял с собой удочки, а кто бродил с сеткой. Рыбалка получилась отличная. Но теперь мысли всех были заняты другим.

...Юрий Гагарин и Герман Титов хлопочут на стартовой площадке и на оперативном пункте управления. Андриян Николаев, Павел Попович и дублирующие их летчики проводят предварительную тренировку и уже готовятся к тому, чтобы перебазироваться в «домик космонавтов», туда, где, по традиции, люди, отправляющиеся в космос, проводят перед стартом целые сутки.

Берег Вселенной

Строг часовой график космодрома. В графике этом точно предусмотрено время встречи Андрияна Николаева со стартовой командой возле ракеты. Едем туда. Вблизи ракеты на обочине шоссе красочный плакат: «Теперь советская земля стала Берегом Вселенной». Стартовая площадка — самый край этого берега.

Вот и многоступенчатая ракета-носитель с вмонтированным в нее кораблем «Восток-3». Когда подходишь поближе, то за фермами видишь серебристо-серый, словно выточенный искусным мастером, корпус ракеты.

Главный Конструктор рассказывает нам о предстоящем полете, о качествах, которыми должны обладать летчики-космонавты, об Андрияне Николаеве и Павле Поповиче. Творец чудесных кораблей прекрасно настроен. Карие выразительные глаза его все видят, все подмечают. Главный Конструктор отлично знает обоих космонавтов и с большой теплотой отзывается о непоколебимом спокойствии Андрияна, о веселом, молодцеватом нраве Павла.

После короткого митинга Николаев и его дублер поднимаются на лифте к космическому кораблю: надо еще раз все осмотреть. А мы тем временем спускаемся в так называемый бункер — на командный пункт управления запуском ракеты.

Десятки ступенек идут глубоко вниз, под землю. Здесь, в просторных помещениях, находящихся под мощным железобетонным покрытием, расположены многочисленные пульты и приборы. Комната для членов Государственной комиссии. Множество телефонов, телевизионное устройство, перископы. Просторно, чисто, прохладно. За пультами пуска, на которых мигают разноцветные сигнальные лампочки и световые табло, сидят операторы: тут счет идет на десятые и сотые доли секунды. На небольшом возвышении — рабочее место начальника стартовой команды. Возле него — хронометр, показывающий астрономическое время, радиопереговорное устройство, перископ. Приникаем глазом к окуляру. Как хорошо видна отсюда ракета!

Тут же, в бункере, беседуем с начальником стартовой команды Анатолием Семеновичем, человеком с мягкими, размеренными движениями, открытым, приятным лицом. Многие из советских людей уже видели его на киноэкранах в фильме о полете Германа Титова «Снова к звездам». Теперь на долю Анатолия Семеновича вновь выпадает ответственная задача — запуск двух ракет с космическими кораблями «Восток-3» и «Восток-4». От его уверенных действий во многом зависит точность вывода кораблей на подзвездные орбиты. Теперь мы уже знаем, что вся стартовая команда и ее начальник сработали отлично. «Восток-4» был выведен на орбиту, предельно близкую к орбите «Востока-3» с точностью до десятых долей секунды. Можно представить себе, сколь это трудно было, если корабли летели со скоростью 8 тысяч метров в секунду!

Домик космонавтов

Под вечер заезжаем в обсаженный тополями «домик космонавтов». Он находится совсем недалеко от стартовой площадки. В домике несколько чистеньких, уютных комнат для космонавтов и врачей. Спальня. Две кровати. Над ними портреты Юрия Гагарина и Германа Титова работы художника А. Яр-Кравченко. На круглом столе — цветы. Радиоприемник. Небольшое трюмо. Столик с шахматами и книгами. Андриян Николаев и его дублер уже тут. Недолго беседуем: время для беседы очень ограниченно, режим строжайший.

— Что передать в родные Шоршелы, маме?

— Пусть не беспокоится за меня! Пусть будет уверена во мне так же, как была уверена раньше...

Прощаемся. Последняя просьба, чисто профессиональная, журналистская:

— Запоминай, Андриян, все как следует!

— Постараюсь, — застенчиво обещает он.

А память у него отличная. Через несколько дней, вернувшись из полета, он поделился с нами такими интересными деталями всего увиденного и пережитого в космосе, что просто диву даешься. Товарищи говорили нам, что его первый доклад Государственной комиссии произвел на всех огромное впечатление стройностью изложения, глубиной выводов, обобщений, большой вдумчивостью при оценке каждого из этапов полета, научной обстоятельностью.

...К ночи степной зной сменился приятной прохладой. Собравшись в беседке возле космодромной гостиницы, мы долго сидели, поглядывая на усыпанное крупными звездами небо, на яркий диск Луны. Со стартовой площадки приехал Юрий Гагарин.

— Все в порядке,— весело говорит он,— кажется, сто один раз проверили все агрегаты...

Подошел Герман Титов:

— Ребята уже спят, и спят крепко...

Год назад, готовясь к старту «Востока-2», он вместе со своим дублером Андрияном Николаевым вот таким же безмятежным сном спал в этом «домике космонавтов». А теперь не спится. Не спится и Павлу Поповичу — пробыв в своей комнате пять — десять минут, он вновь появляется возле нашей беседки.

Не мог уснуть и Главный Конструктор, предельно занятый все эти дни техническим руководством предстоящим полетом. Утром товарищи рассказывали нам, что он дважды приходил к «домику космонавтов», задумчиво бродил вокруг него, потом на цыпочках входил в комнату, где спали Андриян Николаев и его дублер. Прислушался к их ровному, чистому дыханию, перебросился несколькими словами с дежурным врачом и ушел к себе, чтобы потом еще раз наведаться сюда.

(*Продолжение см. на стр. 26.*)

Со стендов — в магазины

После Всесоюзной выставки одежды, трикотажных и меховых изделий

Эта выставка отличалась от других: девять тысяч ее экспонатов — товары, прошедшие уже полпути к покупателю.

Стенды Московской фабрики имени Капранова привлекали посетителей.

— В каком магазине торгуют обувью вашей фабрики? — спросили мы директора К. Соколова.

— Фирменного магазина у нас нет. Фабрика ежедневно выпускает 11 тысяч пар обуви, но наша продукция идет в 250 магазинов Москвы.

Недавно создана дмитровская фирма «Юность». Пожалуй, на всей выставке не было таких чудесных красок, как на ее стенде. Комбинезоны для малышей не только красивы, но и практичны. Они покрыты непромокаемой капроновой пленкой. Их уже по достоинству оценили родители. Фирма экспонировала спортивные комплекты — яркие легкие костюмы, очень удобные в туристическом походе, на лыжной прогулке.

Объединение восьми подмосковных предприятий во главе с Дмитровской швейной фабрикой — это фирма энтузиастов, применяющих новые материалы: яркую капроновую водоотталкивающую ткань и вместо ватина — поропласт. Изделия этой фирмы поступили в продажу.

Только очень хорошие художники могут создать такие модели — удивительно простые и красивые, которые выставляла Московская швейная фабрика № 11.

И снова возникает вопрос: есть ли они в продаже?

— Мы выпускаем 100 тысяч изделий в месяц,— рассказала директор этой фабрики А. Русинова.— Если Ростекстильторг выполнит наши заявки на ткани, в магазинах появится много платьев и костюмов не хуже тех, что вы видели на выставке.

Среди трикотажных изделий лучше всех те, в которых применены новые материалы. Например, молдавские трикотажники в хлопчатобумажную пряжу вплетают тонкие ленты из поропласта — свитера сохраняют форму и греют не хуже шерстяных. А на московских предприятиях изготовляют блузы и жакеты из объемной пряжи: такой трикотаж лучше шерстяного, потому что даже после многократных стирок он не садится.

На выставке был большой раздел синтетических изделий; здесь женщины останавливались особенно надолго. Многие хвалили серые шубки из искусственного коротковорсного меха. Такой мех и практичный и красивый, он имитирует натуральные модные меха.

Изделия из объемной синтетической пряжи — единственная на выставке продукция, о которой нельзя сказать с полной гарантией, когда она будет выпускаться. Очень жаль, потому что посетителям нравился новый вид трикотажа. Надо надеяться, что Управление текстильной и трикотажной промышленности при Мосгорсовнархозе сумеет наладить выпуск и этих изделий.

Майя БЕССАРАБ

НА ВСЕСОЮЗНОЙ ВЫСТАВКЕ ОДЕЖДЫ, ОБУВИ, ТРИКОТАЖНЫХ И МЕХОВЫХ ИЗДЕЛИЙ. МОСКВА.

Фото Е. УМНОВА.

Посетители осматривают экспонаты выставки.

Платья из сатина и ситца.

Здесь все для детей...

Платья и костюмчики — изделия фабрик Мосгорисполкома.

Детская обувь московской фабрики имени Капранова.

КОСМОС НА ЭКРАНЕ

А. Л. БАДАЛОВ,
начальник Главного радиоуправления Министерства связи СССР

Никогда еще человечество не ощущало приход космической эры так зримо, как в дни полета советских космонавтов А. Николаева и П. Поповича. «Космос говорит по-русски!», «Космос на экране телевизоров», «Космический триумф Советского Союза!», «Исторический этап в покорении межпланетного пространства». Таково всеобщее признание достижений советской науки.

Редакция журнала «Огонек» обратилась в Министерство связи СССР с просьбой рассказать, каким образом осуществлялись радио- и телевизионные передачи с борта космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4».

Пожалуй, свой рассказ я начну с любопытного эпизода. В воскресенье 12 августа, в те минуты, когда корабль «Восток-4» успешно вышел на орбиту, оба космонавта, переговорив друг с другом, решили дать на Землю совместную телеграмму.

Попович послал на Землю сообщение. Николаев внимательно проконтролировал результат передачи. В этот период в эфире наблюдались довольно сильные атмосферные помехи. На всякий случай Николаев тут же продублировал сообщение. Вот этот текст: «Докладываем Советскому правительству, ЦК КПСС и лично Никите Сергеевичу Хрущеву. Полет проходит нормально. Между кораблями установлена надежная двухсторонняя служебная связь. Все узлы связи работают отлично.— Николаев, Попович».

Отличная оценка со стороны космонавтов—высшая награда тем инженерам и техникам, кто работал над созданием космической радиоаппаратуры для кораблей «Восток-3» и «Восток-4». Впервые в истории человечества мы являемся свидетелями разговора двух экипажей, находящихся в разных точках космоса. Радиосвязь «Космос — Космос» означает не только успех радиотехники, это и абсолютно необходимый шаг к взаимодействию космических кораблей, шаг, открывающий простор многим другим, ранее казавшимся немыслимыми дерзаниям.

В системе радиосвязи с обоими космическими кораблями действительно многое осуществляется впервые. Например, сейчас, где бы ни находились космолеты — над Тихим, Атлантическим, Индийским океанами, над Америкой, Австралией, Антарктидой,— всюду мы поддерживаем непрерывную радиосвязь. Подчеркиваю, непрерывную!

Как это достигается? Во-первых, радиосвязь с космическими кораблями проводилась со многих точек территории Советского Союза. Во-вторых, прием и передача осуществлялись строго направленными радиоволнами, посылаемыми в сторону космических кораблей. Длина волны известна — около 15 метров. Такие радиоволны способны огромными прыжками, отражаясь поочередно от ионизированных слоев атмосферы и от поверхности Земли, обогнуть всю сферу нашей планеты и даже вернуться назад, в точку передачи.

Корабль-спутник, разумеется, не стоит на одном месте. В своем движении он как бы ускользает от пучка радиоволн. Поэтому наши радиостанции непрерывно изменяют направление передачи и приема радиоволн. Для этой цели служат десятки антенн — это целые антенные поля — и приемников, между которыми осуществляются сложные переключения.

Если же космонавты пожелают послать сообщение непосредственно на территорию, над которой они пролетают, им удобнее пользоваться вторым радиопередатчиком на ультракороткой волне — 2 метра. Распространение этих двухметровых волн мало отличается от обычных телевизионных волн, на которых осуществляется передача Центральной студии телевидения. Двухметровая волна распространяется прямолинейно, подобно лучу света.

Как во время полета космонавты слышали нас?

С момента полета Германа Степановича Титова прошел год. За это время «возмужала» и радиоаппаратура космических кораблей. Отличная оценка радиосвязи, данная космонавтами в своем докладе Советскому правительству, ЦК КПСС и лично товарищу Н. С. Хрущеву, говорит об очень многом. Космонавты слышали нас, как будто мы находились рядом с ними на борту корабля.

...Космонавты спят. Их сильные руки безмятежно покоятся на ручках кресла. А с борта корабля в эфир продолжал поступать целый хоровод сообщений — это работала радиотелеметрическая аппаратура.

Во сне Николаев вздохнул... Возможно, ему приснились те ночи у костра, когда, обжигаясь печеной картошкой, вместе с друзьями детства он обсуждал, кем быть, и принял твердое решение — доктором. А стал космонавтом...

Вздох космонавта мгновенно услышала Земля. Опоясанная вокруг его груди тонкая резиновая трубочка, наполненная электропроводящим веществом, во время вздоха слегка растянулась. Всплеск тока по радиотелеметрической системе немедленно поступил на центральный координационный пункт Советского Союза, где непрерывно дежурят врачи. Здесь происходит не только регистрация дыхания. Радиотелеметрическая аппаратура передавала запись биотоков, снимаемых с самых различных участков организма: сердца, головного мозга, мышц, кожи. Где бы ни находился космонавт, его верным спутником была медицина. В этом заслуга радиосвязи.

А как же осуществлялись телевизионные передачи из космоса?

На территории Советского Союза изображения космонавтов видели более чем в сорока городах, в тысячах поселков и деревень. В период телевизионных передач из космоса к нашему телевидению подключались каналы европейских социалистических стран и западноевропейского «Евровидения». Общее число телезрителей составляло несколько сот миллионов человек. В истории телевизионного вещания такая гигантская аудитория наблюдается впервые.

Большинство телевизионных передач в эфир, как известно, представляет передачу заранее отрепетированных фильмов. В таких случаях существует полная гарантия качественных передач в техническом отношении. Но то, что мы наблюдали на экранах своих телевизоров 11, 12, 13, 14 августа, ломает все представления о предварительных репетициях. Передачи из космоса осуществлялись без какой-либо репетиции.

В наземных условиях, как мы знаем, все антенны телевизионных приемников должны быть ориентированы на антенну передающей станции. А как же происходили передачи изображений с борта космических кораблей, которые непрерывно изменяли свое местоположение?

Здесь, как и при радиосвязи, антенны наземных приемных станций непрерывно следили за космическими кораблями, несмотря на то, что за пять минут они пролетали более двух тысяч километров. Сигналы от всех станций поступали на Центральную студию телевидения и затем в эфир.

Что же касается качества самого изображения, то об этом очень хорошо сказал Никита Сергеевич Хрущев.

«Действительно, все замечательно видно,— отметил он во время телепередачи из космоса.— Я даже читаю надписи на бортовом журнале, вижу герб Советского Союза...»

Все телевизионные передачи тщательно записывались на видеомагнитофоне, а изображения с экранов снимались на кинопленку. Этим фильмам — «Трех — пятиминуткам» предстоит войти в историю покорения космоса на века...

Увидели...

Рисунок Ю. Черепанова.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

Варвара КАРБОВСКАЯ

— Можете себе представить, я пригласила ИХ на обед! И ОНИ обещали прийти!

— Кто это ОНИ?

Мне хочется ответить моим домашним словами Татьяны Лариной: «Как недогадлива ты, няня!» Неужели не понятно, кто ОНИ? Неужто нужно объяснять? Правда, почти во всех случаях жизни у нас есть привычка говорить МЫ: мы строим (если даже к строительству не имеем никакого отношения); мы собрали урожай (хотя я с мужем не пахала, не сеяла и не жала); мы пользовались огромным успехом за рубежом (успехом пользовались Майя Плисецкая, Эмиль Гилельс и ансамбль Александрова). Но, право же, в этом нет никакой нескромности. Когда говорится МЫ, то подразумевается: мой труд вливается в труд моей республики. Очень хорошо и гордо. Но вот говорить «МЫ в космосе»,— на это решается не каждый, хотя, пожалуй, именно в этом деле где-нибудь непременно есть наша частица.

Поэтому, когда я говорю: ОНИ приедут к нам обедать,— должно быть совершенно ясно, о ком идет речь: о космонавтах-героях!

— У тебя, по крайней мере, все готово? — вибрирующим голосом спрашивает муж.— Ведь они привыкли к пунктуальности — секунда в секунду. И ты точно дала адрес? Координаты?

— Да, разумеется: рядом с метро, за ларьком «Фрукты—овощи», дом московских писателей.

Я смотрю в окно. Как только ОНИ появятся из-за угла, я тут же выбегу им навстречу. Но как же я не учла... ведь дом-то писательский, и на тропинках между клумбами, по тротуару, через дорогу движутся звезды самой крупной литературной величины, и звезды средней величины, и даже вращаются искусственные спутники, которые имеют постоянную прописку в этом доме. Вот проплыла звезда на поводке у своего пуделя. Вот другая, постояв в очереди у ларька, тащит домой гигантский арбуз. Это хорошо, что такое мощное светило не считает для себя зазорным идти в обнимку с арбузом.

Да, но что теперь будет? Все они, и крупные и средние, как только завидят моих приглашенных, немедленно обступят их и будут зазывать к себе! И это совершенно естественно. А у меня стол накрыт: цветы, шампанское, фрукты.

Я вспоминаю, как в прошлом году в Доме литераторов встречали Первого Космонавта. На стол перед ним навалили груду книг с трогательными, остроумными, страстными дарственными надписями, а взамен просили только одного — его автограф. На сцене сидели ослепительные литературные солнца, но решительно никто не обращал на них внимания. Они хоть и были знамениты почти на всю Галактику, и в другое время и в другом месте люди оборачивались бы и произносили их имена, тут все смотрели во все глаза только на стройного, изящного майора с обаятельной улыбкой. ОН первым побывал в космосе! ОН из космоса!

Обо всем этом я думаю, стоя у окна. Как бы не прокараулить дорогих гостей! А о чем я буду с ними говорить? Только о возвышенном. Например, о системах инерциальной навигации. О газовой динамике, о скорости в 24 раза быстрее звука. О том, что на Луне нет атмосферы и даже магнитного поля... кто бы мог подумать! О торможении специальным реактивным двигателем, об огнедышащей температуре воздушной подушки — более 3 тысяч градусов... Да, еще забыла: о проблеме возмущения орбитальных движений! Вот.

Конечно, нечего и говорить, что почти все эти трудные слова, кроме «поле», «Луна» и «подушка», тщательно вызубрены и выписаны мной из статей, которыми украшены сейчас буквально все газеты. Именно украшены, потому что читатели упиваются всем новым. И нет ничего конфузного в том, что я выписываю «проблему возмущения» и «инерциальную навигацию». Ни в детстве, ни в юности, когда память самая свежая, я ничего подобного не слыхала.

О чем еще? Может быть, о пении? Ведь у одного из них хороший голос. Или о радостях семейной жизни, поскольку другой гость пока еще не женат?..

А что им подарить? Нет уж, конечно, не мою последнюю книжку. Сейчас я горько каюсь, что в этой книжке про двадцатилетних нет ни одного рассказа о мальчике, о юноше, который сам не знал, что будет космонавтом. И его товарищи и подружка тоже не знали, что он станет знаменитым на весь мир, и даже дразнили его. А теперь, когда он стал героем, одним из самых смелых людей на свете, они говорят: «Ах, ах, это ОН!».

Я так расстроена, что от огорчения... просыпаюсь. И начинаю понимать, что к встрече необыкновенных, дорогих гостей я готовилась во сне. Только во сне...

Но вот тут-то и входит в силу привычное слово МЫ. Разве МЫ не встречаем ИХ, небесных братьев, героев, у себя дома, на милой Земле? И разве МЫ не готовы распахнуть перед ними двери — милости просим, добро пожаловать! Но если бы ОНИ действительно приняли приглашение и вошли в каждый дом с широко распахнутыми дверями, то любая из нас, обыкновенных хозяек земного дома, тут же слетела бы с привычной орбиты! Принимать таких гостей, всемирных героев,— это было бы причиной для небывалой душевной вибрации каждой семьи. А когда МЫ, то можно выдержать любое волнение: и то, которое МЫ испытывали почти четыре дня, и то, до слез радостное, которое испытываем при встрече.

— Вижу, сошли с неба благополучно.
Рисунок В. Воеводина.

— Понимаешь, мамочка, мы испытывали «Восток-5» и создавали невесомость.
Рисунок М. Каширина.

— Сколько мне еще ждать? Уже семь витков стою!
Рисунок В. Воеводина.

ВСЕ МЫСЛИ С ДВУМЯ ХРАБРЕЦАМИ

**Фрэнк ХАРДИ,
австралийский писатель**

Корреспонденты многих московских газет и журналов звонили мне сюда, в Гагру, где я отдыхаю, с просьбой поделиться своими впечатлениями по поводу последней беспримерной демонстрации мощи советской науки. А я лежал в постели в сильном жару. И все же считал необходимым написать несколько слов читателям «Огонька». Но что я могу сказать? Слова не в силах передать мои чувства.

В тот день, когда с Земли поднялся «Восток-3», температура у меня поднялась до 39°. Ночью я лежал без сна. В моем мозгу, измученном лихорадкой, не возникали видения прошлого, как это обычно случается при сильном жаре. Я думал о храбром человеке майоре Николаеве в далеком космосе. О чем его мысли там? Каково быть советским человеком в такие минуты? Доживу ли я до того момента, когда люди полетят на другие планеты? Вдруг мне самому удастся слетать на Луну? Живут ли люди, подобные нам, в неведомых галактиках?..

На следующее утро я с нетерпением ждал новых вестей, проклиная себя за то, что не знаю русского языка. И вот наконец моя переводчица принесла мне сенсационную, граничащую с невероятностью новость: второй космонавт, подполковник Попович, поднялся ввысь! Два советских человека летят в пространстве вокруг Земли, переговариваясь друг с другом и посылая приветы земным людям!

Коммунисты идут в космос с дружбой, стремясь разгадать его тайны. Империалисты отравляют космос ядерными взрывами. Но сейчас я могу думать только о первых. Все мои мысли с двумя храбрецами. Счастливых вам путей в космосе, товарищи! Всегда возвращайтесь к нам назад, дорогие!

Гагра.

СЕРДЦЕ ПОЛНО ВОСХИЩЕНИЯ

Стефан ГЕЙМ, немецкий писатель

Мое сердце в этот час полно восхищения, радости и надежды. Восхищения отвагой советских людей, прежде всего майора Николаева и подполковника Поповича; радости, вызванной новым достижением советской науки, новыми шагами социализма в космосе, и надежды на замечательное будущее человечества.

«Восток-3» и «Восток-4», которые вращались вокруг Земли по заранее определенным орбитам, прокладывая путь для новых побед науки,— это не просто два космических аппарата в космосе. Это — воплощение революции, это блестящая победа социализма, это предвестники мира во всем мире.

Они порождены новой эрой, и они показывают, как во многом устарел привычный для нас здесь, на Земле, образ мышления. Они пример того, как далеко ушли достижения науки от старых методов решения конфликтов между людьми. Они прокладывают курс к единственно возможному соревнованию в момент, когда человек готовится ступить на Луну и другие небесные тела,— к **мирному** соревнованию.

Пусть государственные деятели и руководители народов вглядятся в то послание, которое вычертили в небе «Восток-3» и «Восток-4»,

ИНТЕРВЬЮ В МАГНИТОГОРСКОМ ТРАМВАЕ

Этот трамвайный вагон, как обычно, совершал очередной рейс по улицам Магнитогорска. Только что радио принесло радостную весть: оба космонавта приземлились в заданном районе, и сейчас у всех особенно приподнятое настроение. Вагон ликует. Одного из космонавтов, Павла Поповича, хорошо знают многие магнитогорцы. Здесь он закончил индустриальный техникум, впервые поднялся в воздух с летного поля местного аэроклуба...

— И нам и нам покажите! — раздались вдруг возгласы пассажиров.

По рукам пошли фотографии двенадцатилетней давности — юный Павел Попович среди своих однокурсников по техникуму. Владелец этих фотографий работник горкома партии Михаил Тихонович Синицкий едва успевает отвечать на вопросы. Люди живо интересуются подробностями магнитогорского периода жизни Космонавта-4. А рассказывать М. Т. Синицкому есть что. Четыре года он учился вместе с Павлом Поповичем в одной группе. Жил с ним в одной комнате общежития...

— Павел и сам учился хорошо и товарищам помогал. На все его хватало: и на учебу, и на самодеятельность, и на спортивные соревнования, и на любительскую фотографию, и, конечно, на занятия в аэроклубе... Очень он стремился к летному делу... Мы, его старые друзья, уже отправили ему коллективное письмо. Горячо поздравили с подвигом, рассказали, как вырос и похорошел наш город металлургов. Ну и, конечно, пригласили в гости. И Павла и его небесного брата Андрияна Николаева...

* * *

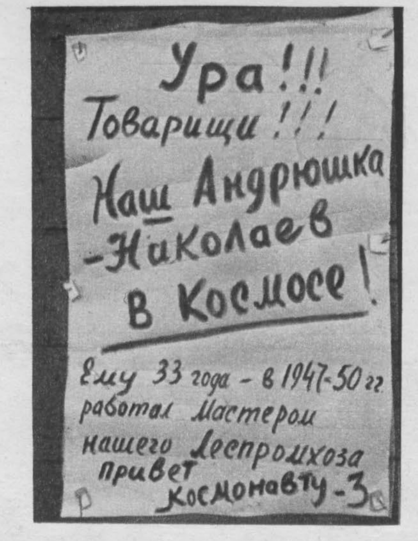
В Магнитогорске у космонавта Павла Поповича множество друзей — по техникуму, по комсомольской работе, аэроклубу, сводному хору, старостой которого длительное время был будущий космонавт. Особенно много друзей в аэроклубе. «Из аэроклуба — путь в космос!» Этот плакат давно уже висит у входа в магнитогорский аэроклуб, и он оказался поистине пророческим.

Сейчас здесь обнаружены документы о Павле Поповиче. Приказ о его зачислении в клуб; акт комиссии о выпуске курсантов-пилотов; ведомость индивидуальных оценок, в которой под номером 70 значится фамилия Поповича и сами оценки: «Самолет — 5; мотор — 5; теория полета — 5; аэронавигация — 5; наставление по производству полетов — 5; общая оценка — 5».

— Из всех моих учеников, — вспоминает бывший летчик-инструктор, ныне пенсионер Николай Константинович Матюшин, — Павел был самым способным. Был он у нас старшиной летной группы и право летать получил первым... Я всегда был уверен, что он станет замечательным летчиком... Ну, а о космических полетах мы еще тогда и не думали...

А. ГРИГОРЬЕВ

«НАШ АНДРЮШКА В КОСМОСЕ»

Еще несколько дней назад редко кто слышал о железнодорожной станции Деревянка и поселке леспромхоза, раскинувшемся на лесистом Карельском пригорке. Курьерские поезда проскакивали Деревянку на полном ходу.

Сегодня вопреки всем правилам на станции остановился и скорый поезд: из вагона вышли пассажиры с магнитофонами и киноаппаратурой... Приехали журналисты, кинооператоры.

— Как пройти в поселок Деревянского леспромхоза?

— Он рядом, по ту сторону полотна, — ответил дежурный. — Но боюсь, что там сейчас не до вас...

Здесь уже все знают: в этих местах когда-то жил и работал Андриян Николаев.

...По деревянным тротуарам идем вверх. Сквозь деревья видны аккуратные деревянные домики с белоснежными занавесками на окнах.

— До рассвета никто в поселке не сомкнул глаз, — рассказывает секретарь парткома леспромхоза тов. Печуев. — Все слушали радио, смотрели телевизионные передачи. Шутка ли, наш лесоруб в космосе!

На фасаде столовой бросился в глаза небольшой листок, приколотый гвоздями. Размашистым, торопливым почерком на нем написано: «Ура!!! Товарищи!!! Наш Андрюшка Николаев в космосе! Ему 33 года. В 1947—50 гг. работал мастером нашего Леспромхоза. Привет Космонавту-3».

— Почему Андрюшка, а не Андриян? — спросили мы у Печуева.

— Мы его все называли Андрюшей, а многие ласково — Андрюшка. Он тогда не был таким здоровенным мужчиной, как сейчас, — улыбается Печуев, — а был совсем небольшим, худощавым, вихрастым пареньком.

— Но Андрюша и тогда работал что надо! — вмешался в разговор мастер Леонид Васильевич Богданов. — Мы были доморощенные практики, а он дипломированный техник. Но Николаев не кичился своими знаниями. Учил нас и у нас же перенимал практический опыт. В любую погоду, если требовало дело, Николаев шел в лес. Молодой специалист как-то сразу, с первого дня, завоевал уважение и у стариков и у юношей. Если кто начинает шуметь, нервничать, Николаев остановит его и скажет: «Прежде всего спокойствие, тогда и дело пойдет лучше».

Смелый парень! Когда в леспромхозе внедрялась подвесная трелевка с помощью лебедок, многие не решались сооружать высокие мачты, а Николаев первый взялся за это. Ловко, бывало, взберется на самую вершину тридцатиметровой сосны, срежет макушку, поставит блок, закрепит трос и забирается на следующую...

...Отсюда, из Шапшинского лесопункта, Андриян Григорьевич Николаев ушел в Советскую Армию. Военный летчик не порывал связи со своими друзьями из леспромхоза. И не удивительно, что в первые же часы полета космического корабля «Восток-3» почта Деревянского леспромхоза приняла от лесорубов в адрес героя десятки телеграмм.

К. ЧЕРЕВКОВ

послание, которое впервые прозвучало в сигналах спутника. Пусть государственные деятели и руководители народов внимательно прочтут это послание. Оно гласит: сосуществование или конец всякому существованию.

Пусть ввиду новых космических достижений будет ускорен конец атомным испытаниям. Для будущего мирные полеты в космос важнее, чем военные испытания.

Наука интернациональна по своему характеру, и она будет развиваться еще быстрее, когда на Земле воцарится прочный мир. Пусть наука укажет дорогу к тому, как надо соединить по-дружески руки.

Как много можно сделать, если человечество сможет объединить свои ресурсы и направить те средства, которые ныне расходуются на подготовку мировой катастрофы, для того, чтобы соединенными усилиями завоевывать космос, победить рак, уничтожить на Земле голод и экономическую отсталость.

Мое сердце в этот час полно благодарности всем, кто сделал возможным выход космических кораблей на орбиту и тем самым помог людям заново оценить себя и свои мысли.

Я желаю майору Николаеву и подполковнику Поповичу дальнейших космических успехов!

Берлин.

Митчелл УИЛСОН,
американский писатель

ЗАДАЧИ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НИКТО НЕ РЕШАЛ

Еще невозможно по-настоящему оценить важность запуска двух советских космонавтов, когда пишешь об этом сразу после свершившегося события. Мы слишком ошеломлены достижением. На нынешнем этапе космических путешествий мы стали свидетелями такого, что может привести в изумление.

Мы изумлены тем, что в космос запускают корабль и в нем, вращающемся с фантастической скоростью — один оборот вокруг Земли за полтора часа, — находится человек, который поддерживает связь с нами с помощью радиоволн. Между нами и космонавтом — атмосферный покров, сквозь который ему нужно прорваться огненным метеором. Между нами и космонавтом — преграда космической скорости. Все, что связано с полетом, так далеко от обычной инженерной практики, что успешный запуск сам по себе оправдывает все затраченные усилия.

Но затем станет понятней важность эксперимента во многих аспектах. Пока мы еще не знаем в деталях, какие научные задачи ставились перед космонавтами. Но мы можем быть уверены, что глубокие вопросы физики, биологии и химии, на которые еще никогда не было ответов, теперь могут быть атакованы и будут решены благодаря таким средствам, которые невозможны в обычных земных лабораториях. Поэтому легко предсказать, что имена Поповича и Николаева останутся навсегда связанными с теми подвигами, которые еще предстоит совершить, когда полеты по орбите и за орбиту уже станут обычным явлением. Все, кто имеет отношение к этим полетам, заслуживают поздравления от всего человечества: мы все у них в долгу.

Москва.

МАРКИ СЛАВЯТ ГЕРОЕВ

Полет космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4» отмечен Министерством связи СССР тремя почтовыми марками. Первая, крупноформатная, появилась на следующий день после вывода на орбиту корабля «Восток-4». На рисунке — герои космоса в гермошлемах, вверху — лозунг «Слава покорителям космоса!» Две другие марки воспроизвели портреты небесных братьев — Андрияна Николаева и Павла Поповича. Здесь же изображение земного шара, опоясанного орбитами, названия кораблей и памятные даты старта и приземления. Марки выполнены по эскизам художника И. Левина.

В дни всенародного праздника марки гасились специальным штемпелем.

М. МИЛЬКИН

ТАМ ГДЕ НАЧИНАЛСЯ РАЗБЕГ

Вл. ПАВЛОВ

На концерте художественной самодеятельности (второй справа) летчик Попович.

Удивительное зрелище: в маленькой, сверкающей белизной комнатке ПАЗ (полкового аэродромного здания) вдоль стен чинно сидят загорелые крепыши в синих комбинезонах, и все как один держат под мышками градусники.

— А вы не удивляйтесь, — говорит майор медицинской службы Осипов, который в этот момент измеряет одному из крепышей кровяное давление. — Путь в небо и дальше ведет через кабинет врача!

Так состоялось наше знакомство с летчиками Н-ского авиационного полка, сослуживцами космонавта Павла Поповича.

О Поповиче все говорят сразу. Мы узнаем, что космонавт — хороший спортсмен, общительный человек и замечательный товарищ, что его жена — тоже летчица, не раз участвовала в воздушных праздниках и что сам Попович был одним из лучших артистов полковой самодеятельности...

— Самодеятельность — это особенно важно! — строго вставляет в разговор Осипов. — Это, если хотите знать, с медицинской точки зрения, прекрасная психологическая процедура!

Летчики понимающе улыбаются. Может быть, они и не придают сценическому искусству такого сугубо медицинского значения. Но судя по многочисленным снимкам, которые мы перед тем видели в коридоре (а потом в клубе), и по тому, с какой придирчивостью и знанием дела обсуждаются номера, показанные на последнем смотре, самодеятельность здесь любят.

Тут же, в ПАЗ, пока идет медосмотр, нам показывают парашют; на четырехугольном, защитного цвета клапане парашютного ранца чернильным карандашом аккуратно выведено: «Попович». С этим парашютом не раз поднимался в воздух будущий космонавт...

...Шестнадцать пятьдесят. Летчики, на ходу надевая фуражки, торопятся к взлетной полосе, вдоль которой вытянулась нескончаемая серебристая шеренга остроокрылых «МИГов».

У боевых машин возятся механики. Ровно в семнадцать раздается команда:

— Становись!

Бегом, дробно постукивая сапогами по бетонным плитам, летчики и механики выстраиваются в правильный четырехугольник, открытый с одной стороны.

— Смирно!

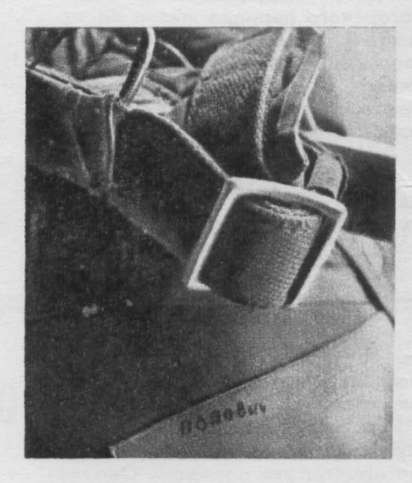
На аэродроме все замирает. Слышно, как посвистывает порывистый ветер в оперении самолетов да где-то, очень далеко, погромыхивая, бродит по небу гром.

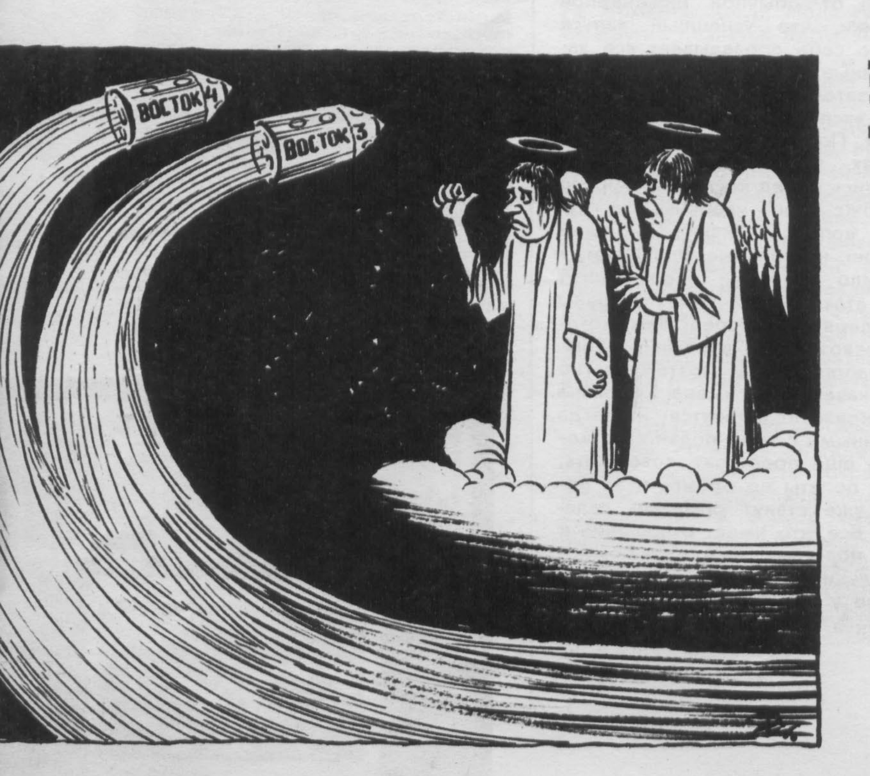
Командир полка ставит задачу на предстоящие учебные полеты. Обстановка сегодня сложная — многослойная облачность мощностью чуть не в восемь километров, грозовые фронты, шквалы.

...Только что прилетел из метеорологической разведки подполковник Фокин — участник группового пилотажа на сверхзвуковых реактивных машинах, который демонстрируется на авиационных праздниках. Таких, как Фокин, здесь много.

Летчики этого полка обычно выполняют столь почетное задание, как встреча у границ нашей Родины воздушных кораблей с высокими гостями — встречают и эскортируют в столицу. Им, бывшим сослуживцам Поповича, в свое время выпала честь сопро-

Парашют летчика Поповича.

— Ух ты!.. Но ведь они нас с собой не возьмут. Придется подождать американца.

Рисунок Херлуфа Бидструпа.

Земля: — Горжусь своими сыновьями!

Рисунок В. Черникова.

вождать и самолет, в котором прибыл в Москву первый космонавт мира майор Юрий Алексеевич Гагарин. В прошлую субботу они почетным эскортом прошли над праздничной Москвой рядом с самолетом, на котором летели в столицу их славный однополчанин Павел Попович и его небесный брат Андриян Николаев...

А сейчас Фокин возвратился после трудного «боя» со стихией. Летчики внимательно слушают рассказ о перипетиях полета: через несколько минут в такой же «бой» предстоит вступить и им.

...Построение окончено, на головы вместо фуражек надеты кожаные шлемофоны. Идут последние приготовления. Занял место в кабине своего «МИГа» и бывший ведомый Поповича — капитан Сидоров.

Около него, на приставной металлической лесенке, выкрашенной (чтоб не забыть убрать!) в красный цвет, стоит старший техник-лейтенант Зайцев. Интересно наблюдать, как в последний раз перед полетом он осматривает, ощупывает каждую детальку, пробует каждую рукоятку, каждый тумблер. В воздухе нет второстепенных вещей: все важно, все должно быть абсолютно надежно.

Зайцев — старый технический «волк». «Технарит», как он говорит, с сорок первого. Летчик, самолет которого он обслуживал во время войны, стал Героем Советского Союза. Десятки раз приходилось Зайцеву готовить к полету и машину Поповича.

А теперь он готовит машину его ведомого. Может быть, и ведомого ждет дорога в космос? Кто знает?

— А что же, может, и ему придется,— говорит майор Мельников, который оказывается рядом с нами на поле аэродрома.

...Один за другим самолеты с ревом мчатся по взлетной полосе, сначала тесно прижимая тело к бетону, потом задирают нос, отрываются и стремительно уходят ввысь. Так стремительно, что кажется, они сейчас вырвутся, освободятся от притяжения нашей планеты и уйдут в космос.

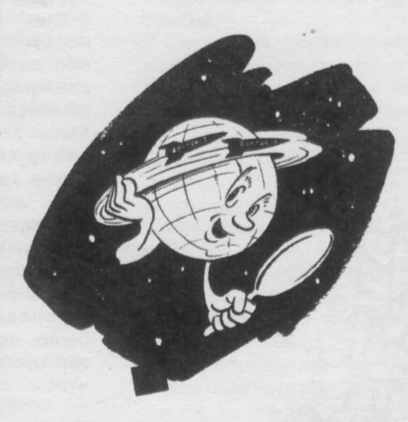
Недолго ждать:
Мальчишки из Норильска
Поднимут
нефанерный аппарат;
Они промчатся
трассой богатырской
И примут
самых дальних
звезд
парад!..

Н. БЫКОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

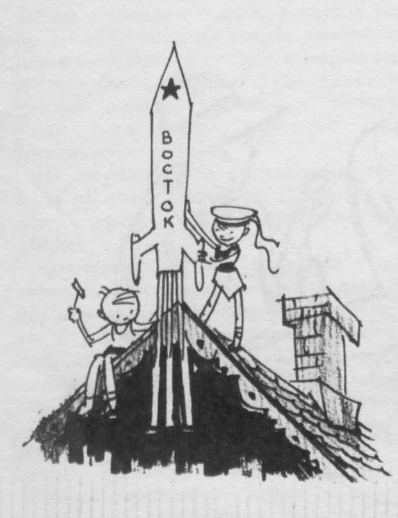

Отцы и дети.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Мне этот венок нравится.
Рисунок В. Черникова.

Вместо традиционного петушка.
Рисунок Ю. Черепанова.

Все четыре — первые!
Рисунок М. Каширина.

СИЛА ПЛАНЕТЫ

Константин **МУРЗИДИ**

Им вечный холод был не страшен
И не пугала высота:
Дошло до них дыханье наше,
Приветствий наших теплота.

Они улыбкой отвечали,
И мы, взметнув мильоны рук,
Героям Космоса кричали:
— Обозревайте все вокруг!..

Вглядясь в лицо планеты милой,
Что с высоты ясней видна,
Скажите нам, какою силой
Она воистину сильна.

И нам казалось, мы слыхали
Небесных братьев голоса,
Когда циклоны утихали
И прояснялись небеса:

— Пусть непременно помнят люди
И не забудут никогда:
Вовек сильна планета будет
Величьем мира и труда!

КРЫЛЬЯ

Анатолий **ПОПЕРЕЧНЫЙ**

Священно крыло
над нами!
Крыло от крыла сквозь века летит:
Обожженное инквизиций кострами,
Красноперое,
Вечно надо мною горит...
Краснозвездное,
пробитое,
как знамя,
Русской птицы голубое крыло.
Да, священно крыло над нами,
Как священно в море весло!

И не просто стимул движенья,
А символ вторженья в высь.
И не просто Икарова крыла сожженье,
А его продолженье
И звездная жизнь...

Когда, расправив руки
Крылато,
Обретая невесомость и красоту,
Андриян Николаев,
Рапортуя сжато,
Притяженье преодолев,
Набирал высоту,
Орел Памира завидовал:
«Мне бы!..»

Дробились созвездья
В космической мгле.

Священно крыло звездолета в небе,
Как священна рука на Земле!

Но разве в небе она не священна?
Павел Попович,
твоя рука
Прекрасна, как молния,
И мгновенна,
Упругая,
жилистая,
она так легка.

Она — пловец,
Плавает над приборами плавно,
Машет в иллюминатор брату,
Не дремлет на рычагах...

Я лежу на дне лодки
В Приингульских плавнях
И вижу небо
В крыльях,
звездах
и облаках.

МСТИТЕЛЬ

Вл. **СОЛОУХИН** Рассказ Рисунок И. **КУПРЯШИНА**.

Вместо того, чтобы сидеть на скучном уроке по арифметике, нам выпала удача копать картошку на школьном участке. Если вдуматься, копание картошки — чудесное занятие по сравнению с разными там умножениями чисел, когда нельзя ни громко высморкаться, ни повозиться с приятелем (кто кого повалит), ни свистнуть в пальцы.

Вот почему все мы, и мальчишки и девчонки, дурачились как могли, очутившись вместо унылого класса под чистым сентябрьским небом.

Денек стоял на редкость: тихий, теплый, сделанный из золотого с голубым, если не считать черной земли под ногами, на которую мы не обращали внимания, да серебряных паутинок, летающих в золотисто-голубом.

Главное дураченье наше состояло в том, что на гибкий прут мы насаживали тяжелый шарик, слепленный из земли, и, размахнувшись прутом, бросали шарик, кто дальше. Эти шарики (а иной раз шла в дело и картошка) летают так высоко и далеко, что, кто не видел, как они летают, тот не может себе представить. Иногда в синее небо взвивалось сразу несколько шариков. Они перегоняли один другого, все уменьшаясь и уменьшаясь, так что нельзя было уследить, чей шарик забрался выше всех или шлепнулся дальше.

Я наклонился, чтобы слепить шарик потяжелее, как вдруг почувствовал сильный удар промежду лопаток. Мгновенно распрямившись и оглянувшись, я увидел, что по загону бежит от меня Витька Агафонов с толстым прутом в руке. Значит, вместо того, чтобы бросить свой комок земли в небо, он подкрался ко мне сзади и ударил меня комком, насаженным на прут.

Многочисленные лучистые солнышки заструились у меня в глазах, а нижняя губа предательски задергалась: так бывало всегда, когда приходилось плакать. Не то, чтобы нельзя было стерпеть боль. Насколько я помню, я никогда не плакал именно от физической боли. От нее можно кричать, орать, кататься по траве, чтобы было полегче, но не плакать. Зато легко навертывались слезы на мои глаза от самой маленькой обиды или несправедливости.

Ну, за что он теперь меня ударил? Главное, тайком, подкрался сзади! Ничего плохого я ему не сделал. Наоборот, когда мальчишки не хотели принимать его в круглую лапту, я первый заступился, чтобы приняли. «На любака» мы с ним не дрались давным-давно. С тех пор, как выяснилось, что я гораздо сильнее его, нас перестали стравливать. Что уж тут стравливать, когда все ясно?! В последний раз мы дрались года два назад, пора бы об этом забыть. К тому же никто не держит обиды после драки «на любака». Любак и есть любак — добровольная и порядочная драка.

Ни один человек на загоне не заметил маленького происшествия: по-прежнему все собирали картошку, наверное, небо по-прежнему было голубое, а солнышко красное. Но я уж не видел ни картошки, ни солнца, ни неба. В горле у меня стоял горький комок, на душе было черно от обиды и злости, а в голове зародилась мысль отомстить Витьке, да так, чтобы и в другой раз было не повадно.

Вскоре созрел план мести. Через несколько дней, когда все позабудется, я, как ни в чем не бывало, позову Витьку в лес жечь теплинку. А там уж в лесу и набью морду. Просто и хорошо. То-то он испугается один в лесу, когда я скажу ему: «Ну что, попался на узенькой дорожке?» Нет, я сзади бить не буду, я ему дам прямо в нос. Или отплатить тем же? Раз он меня сзади, значит, и я его сзади. Только он нагнется за сухим сучком, а я как тресну по уху, чтобы загудело по всей голове. Он обернется, тут-то я ему и скажу: «Ну что, попался на узенькой дорожке?» А потом уж и в нос...

В урочный день и час, на большой перемене, я подошел к Витьке. Затаенное коварство не так-то просто скрыть неопытному мальчишке. Казалось бы, что тут такого: пригласить сверстника в лес жечь теплинку. Обычно уговариваешься об этом мимоходом, никакого волнения быть не может. На этот раз я волновался. Даже в горле стало сухо, отчего голос сделался глухой и вроде бы чей-то чужой. А руки пришлось спрятать в карманы, потому что они вдруг ни с того ни с сего задрожали.

Витька посмотрел на меня подозрительно. Его оттопыренные уши, над которыми нависали соломенные волосенки, покраснели.

— Да уж... Я знаю, ты драться начнешь. Отплачивать.

— Что ты, я забыл давно! Просто пожгем теплинку. А то, если хочешь, палки будем обжигать, а потом разукрасим их. У меня ножичек острый, вчера кузнец наточил.

Между тем положение мое осложнилось. Одно дело нечаянно заманить в лес и там стукнуть по уху: небось, знает кошка, чье мясо съела, а другое дело — весь этот разговор. Если бы Витька отнекивался, отказывался, а потом нехотя пошел, было бы куда все проще. А то после моих слов он улыбнулся от уха до уха (рот у него такой, как раз от уха до уха) и радостно согласился: «Ну ладно, тогда пойдем».

«Вот я тебе покажу «пойдем», — думал я про себя. Пока шли до горы, я всю дорогу старался вспоминать, как он ни за что ни про что ударил меня промежду лопаток, и как мне было больно, и как мне было обидно, и как я твердо решил ему отплатить. Я так все точно и живо вообразил, что спина опять заболела, как и тогда, а в горле опять остановился горький комок и даже нижняя губа вроде бы начала подрагивать: значит, я накалился и готов к отмщению.

На горе, где начались маленькие елочки, выпал удачный момент: как раз Витька, шедший впереди меня, наклонился, что-то рассматривая на земле, а ухо его словно бы еще больше оттопырилось, так и просило, чтобы я по нему стукнул что есть силы.

— Смотри, смотри! — закричал Витька, показывая на круглую норку, уходящую в землю. Его глаза горели от возбуждения. — Шмель оттуда вылетел, я сам видел. Давай раскопаем, может быть, там меду полно.

«Ну, ладно, эту норку мы раскопаем, — решил я, — а потом уж я с тобой разделаюсь!»

— Надо вырезать острые лопаточки, а ими и копать землю, нож-то захватил?

Живо-два мы вытесали себе по отличной лопаточке и стали рыть. Дерн тут был такой плотный, что мы сломали по одной лопаточке, потом вырезали новые, а потом уж добрались до мягкой земли. Однако никакого меда или даже шмелиного гнезда в норке не оказалось. Может быть, когда-нибудь здесь вправду водились шмели, только не теперь. А зачем лазил туда шмель, которого увидел Витька, так мы и не узнали.

На опушке леса в траве мы тотчас наткнулись на стаю рыжиков. Опять наткнулся Витька: недаром у него глазища по чайному блюдечку.

Крепкие, красные, боровые росли грибы в зеленой траве. И хоть целый день грело солнце, они все равно были холодные, как лягушки. В большом рыжике в середке стояла чистая водичка, как все равно нарочно налили для красоты. Поджарить бы на прутике, да жаль, соли нет. Вот бы славно поели!

— Айда за солью, — предложил Витька. — Далеко ли — овраг перебежать. Хорошо бы заодно по яичку у матери стащить.

«Айда за солью,— думал я, лелея по-прежнему свой злодейский замысел. — Только не думай, что все так и кончится. Уж когда сбегаем за солью, я тебя обязательно прищучу в лесу, ты от меня не уйдешь».

Мы принесли соль и два куриных яйца.

— Теперь давай ямку копать.

В ямку мы положили яйца, засыпали их землей, и на этом месте стали разводить теплинку. От огня земля нагреется, яйца в ней превосходно испекутся. Останется только подержать их в золе около горячих углей, чтобы немного пропахли дымком для вкуса.

Сначала мы зажгли небольшую сосновую веточку, пушистую, но высохшую, с красными иголками. Она вспыхнула от одной спички и горела так, словно гореть для нее — большая радость; то есть, даже ничего нет на свете лучше, чем сгореть в нашей теплинке. Она вроде бы даже не горела, а плясала, как девчонка в ярком красном платьице. (Если вдуматься, Витька этот не такой уж плохой мальчишка, и в лесу с ним интересно, только вот зачем он тогда меня треснул промежду лопаток. Теперь уж придется ждать, когда кончим жечь теплинку.)

На горящую сосновую ветку мы стали класть тонкие сухие палочки. Мы их клали сначала колодцем, крест-накрест, потом стали класть шалашиком. Постепенно пошли палочки потолще, еще потолще, и теплинка наша разгорелась ровным, сильным огнем. Она хотя и была небольшая, но сразу видно, что не скоро погаснет, если даже не подкладывать в нее дров.

Тут мы принялись за рыжики. Когда Витька насаживал на прутик свой первый рыжик, мне так и вспомнился тяжелый земляной катыш, которым он меня тогда огрел, и я уж подумал, не сейчас ли мне с ним расправиться, но решил, что всегда успеется, и стал насаживать свой рыжик. Рыжики шипели в огне, соль на них плавилась и вскипала пузыриками. Даже что-то с шипением капало в костер — не то соль, не то грибной сок. А кончики прутьев дымились и обугливались. Мы съели все рыжики, но нам хотелось еще, так они были вкусны и душисты. Да и соль оставалась, не выбрасывать же ее. Пришлось снова идти по грибы.

Когда мы раскапывали яйца, из земли шел пар, настолько она прогрелась и пропарилась. Надо ли говорить, что яйца упеклись на славу. Мы съели с ними остатки соли. Никогда я не ел яиц, вкуснее этих. (Конечно, это Витька придумал печь яйца. Всегда он что-нибудь придумает, даром что уши торчат в разные стороны.)

Ну, что же, вот и теплинка прогорела, сейчас пойдем домой, и тут я буду должен... Что бы еще такое придумать, уж очень не хочется сразу идти домой!..

— Бежим на речку, — говорю я Витьке. — Помоемся там, а то вон как перемазались. Водички попьем холодненькой. Бежим?

Все под руками у нас в деревне: лесок так лесок, речка так речка. Мы по колено заходим в светлую текучую воду, которая очень холодна теперь, в конце сентября, наклоняемся над водой и пьем ее большими вкусными глотками. Разве можно воду из колодца или из самоварного крана сравнить с этой прекрасной водой! Сквозь воду видно речное дно — камушки, травинки, песочек. Травинки стелются по дну и постоянно шевелятся, как живые.

Ну вот и попили и умылись. Делать больше нечего, надо идти домой. Под ложечкой у меня начинает ныть и сосать. Витька доверчиво идет впереди. Его уши торчат в разные стороны, что стоит развернуться и стукнуть.

Что стоит? А вот попробуй, и окажется, что это очень не просто ударить человека, который доверчиво идет впереди тебя.

Да и злости я уж не слышу в себе. Так хорошо на душе после этой теплинки, после этой речки! Да и Витька, в сущности, неплохой мальчишка, вечно он что-нибудь придумает. Придумал вот яйца стащить...

Ладно! Если он еще раз стукнет меня промежду лопаток, тогда-то уж я ему не спущу. А теперь ладно!

Мне делается легко от принятого решения не бить Витьку. И мы заходим в село как лучшие дружки-приятели.

Капитан «Солнечногорска» Д. Кнаб и Рауль Кастро на борту советского парохода.

«СОЛНЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ»

Рейс был необычным. Курс прокладывали по чужим картам. Капитан Д. Кнаб, за тридцать лет плавания побывавший на всех континентах, кроме Австралии, впервые шел к этому далекому материку. Позади остался мыс Гвардафуй. И до самой Австралии — только океан, ни одного клочка земли.

В Сиднее две недели не прекращались ливни, крупнейший австралийский порт был окутан туманами. Люди, уставшие от непогоды, ждали солнца, но оно не показывалось.

Ранним утром жители Сиднея увидели в своем порту пароход — белоснежный, с голубым отливом, на трубе — красная полоса, серп и молот. Над городом неожиданно раздвинулись тучи, солнце медленно поднялось из-за гор. И в его лучах все удивленно прочли название судна: «Солнечногорск».

На следующий день австралийские газеты вышли с аншлагами: «Солнечногорск» привез нам солнце», «Советский корабль носит имя Солнца». Тысячи людей из дальних городов и деревень приезжали в Сидней, чтобы своими глазами увидеть «солнечный корабль».

В тот день, когда корабль ошвартовался у причалов, в порту бастовали докеры. Но рабочие прервали стачку, чтобы разгрузить советский пароход, и снова продолжили забастовку, требуя повышения заработной платы.

«Солнечногорск» — один из лучших сухогрузов Черноморского пароходства, его экипаж носит звание коллектива коммунистического труда. Жители южных стран хорошо знают «солнечный корабль». На его борту побывали Фидель и Рауль Кастро. Вот уже три года пароход совершает рейсы на Кубу. Во время прошлого рейса комсомольцы ездили в Народное имение недалеко от Сантьяго и помогли крестьянам отремонтировать тракторы. Старший механик Станислав Леонтьев, судовой токарь Юрий Ерастов расточили новые детали для плугов.

Недавно кубинские крестьяне прислали экипажу «Солнечногорска» письмо, в котором благодарили моряков за помощь и приглашали к себе.

...Когда я писала последние строки, мне сообщили из Одессы, что Черноморское пароходство представило на ВДНХ три экспозиции, рассказывающие о лучших экипажах. Среди них экипаж «Солнечногорска».

Р. КОРОБОВА

Наш учитель Архипов

С. В. ГЕРАСИМОВ

Народный художник СССР

Он был среди наших учителей — Абрам Ефимович Архипов. Мы любили его за искренний, внимательный взгляд, устремленный в наш ученический этюдник. Мы верили ему...

Начало XX века насчитывало десятки различных групп, группировок, течений, веяний в искусстве. Конечно, и у нас, молодых тогда художников, были всевозможные увлечения: многие «переболели» всяческими «измами». И тонкость подхода Архипова к молодым не может не вызывать теперь восхищения: он с интересом относился к суждениям учеников, хотя всегда горячо и твердо отстаивал традиции русского демократического искусства. Его привязанность к передвижникам казалась прямо-таки органической чертой характера.

Архипов — один из самых пластичных русских художников. Это ли было его главной особенностью или какие-то другие стороны творчества придавали его мастерству особый отпечаток нового, но это новое, не порывая с традициями, изменяло пути русского искусства.

В 1901 году по инициативе Архипова, К. Коровина, С. В. Иванова, А. Васнецова была организована выставка «36 художников». На следующий год участники ее образовали Союз русских художников, куда входили преимущественно москвичи.

У московской школы была своя цельная и ясная программа. Школа старалась научить понимать красоту в гармоническом сочетании рисунка и живописи. Особое значение уделялось обучению молодых художников. Архипов проявлял завидное терпение к своим ученикам. Правда, кроме одного: он терпеть не мог, когда у студентов обнаруживал плохо промытые кисти.

— Кисти,— говорил он,— это для художника все равно, что пальцы или нервы!..

Помню, как совместно вели натурный класс Пастернак и Архипов. Я показываю им свой эскиз. Пастернак рассматривает и говорит с загадочной неопределенностью:

— Хорошо, но нужно еще поштудировать. Может и выйти.

Он был «баловной», с интеллигентной остротой в разговоре.

Архипов же уточняет и успокаивает:

— Не совсем вышло. Но это ничего. Потом выйдет.

Он считал, что надо не просто рассуждать вокруг творчества. Раз человек на правильном пути,— выйдет! Человек должен добиваться осуществления поставленных задач, не жалея себя, отдавая искусству всю жизнь, все силы. Эти высокие нравственные основы, питавшие творчество Архипова, ощущали мы все.

Абрам Ефимович стоял за писание с натуры, за характерную передачу действительности и был непримиримым противником академизма. Он два года проучился в Академии художеств. Бросил академию и на всю жизнь вернулся в Москву.

Ратуя за точную передачу натуры, Архипов считал, что форма и фон едино входят в картину и лишь тогда в ней не видишь, где начало и где конец мастерству, замыслу и изображенной действительности... Он неоднократно говорил:

— Если у вас после десяти минут работы не получилось сходства в рисунке, начните все сначала.

Вообще-то он много не говорил, а, бывало, остановится перед мольбертом, посмотрит на натуру, на этюд, на вас и скажет:

— Знаете, а ведь не то!!

Все мы знали, что Архипов писал долго, тщательно. Трудолюбие развило в нем непосредственность восприятия, отточило его мастерство, раз от разу совершенствовало технику. Очень верно говорил Касаткин: «Смотрите, как будто и труда никакого не было у художника написать эту вещь, а вы отдыхаете на этой легкости выполнения задачи; не знают только многие, что эта легкость приобретена большим трудом. Молодец, Архипов!»

Ранние работы Архипова обаятельны. Он нашел какую-то особую «тонкость», с которой мягко и мелодично воспевал русский пейзаж. Картина «По реке Оке», выставленная в 1891 году, принесла успех и славу русскому художнику. Родные просторы, среднерусские дали, люди, слившиеся с природой... Нагруженная крестьянским скарбом, медленно подходит лодка к берегу. Словно песня, звучит это полотно. Вы смотрите — и будто вместе с этими людьми плывете по красавице Оке, слышите, как опускаются на воду весла, перекликаются между собою мужики. И все это нераздельно, едино, плавно: как средства изображения, так и сама натура, как переходы цветов и красок на полотне, пластичном до восхищения.

Архипов любил исследовать натуру до мельчайших ее проявлений. Он долго готовился, а потом писал своих «Прачек». В подвальном помещении утомленные женщины заняты непосильным трудом. Художник смотрит на свое полотно, видит лица и вдруг понимает, что ему не все удалось сделать для выражения большой идеи. Тогда он пишет новый вариант «Прачек» — полотно гневно протестует против угнетенного положения женщины в тогдашней России. В душной от испарений и чада прачечной на переднем плане обессиленная пожилая прачка. Худая рука легла на колено. И эта рука сама, как рембрандтовские руки, рассказывает нам о судьбе труженицы, вконец изнуренной тяжелой жизнью, непосильной работой...

Диапазон тем у Архипова кажется небольшим, но художник и не стремился его расширить. Он был поглощен писанием русской деревни. Многие годы его занимают образы крестьянок. Никогда не расстается с пейзажем.

Тяжелая судьба русского человека неизменно волновала его. «Такую жестокую работу не может выполнять женщина, да еще кормящая мать»,— внятно и убежденно говорит Архипов своей картиной «Поденщицы на чугунолитейном заводе».

Но и здесь, в этой обездоленной жизни, Архипов находит лирические мотивы. Его задушевный голос зовет увидеть красивое даже там, где, казалось бы, и говорить об этом неуместно. У матери нельзя отнять нежности к ребенку; человека нельзя лишить любви и стремления к красоте, которая всегда смягчает сердце, вызывает радость.

Архипов писал вдумчиво; а то, что считал неудачным, бросал. Неоконченных работ у него нет, так как он уничтожил их перед смертью; об этом рассказывал В. Н. Бакшеев.

Кое-кто из художников — современников Архипова удивлялся: «У аристократов красота наследственная, поддержанная и развитая условиями красивой жизни, а вот артистический пошиб явится вдруг ни с того ни с сего и у мужика. Возьмите Пырикова Абрама Ефимовича, ныне именуемого Архиповым. Какие иногда завороты кистью делает — что твой француз, парижанин, а сам деревенский мужичок. Чутье артистическое ему красоту подсказывает...»

Архипов действительно родился в Рязанской губернии в семье крепостного крестьянина. Трудолюбие, благодаря которому он развил свой талант до яркого, незабываемого явления в русском искусстве, было у него в крови. Но столь же безусловным было у него и артистическое чутье. Иначе не объяснишь тот пышный фейерверк красок, которым, по словам Луначарского, он живописует свою галерею рязанских крестьянок. А каковы полнокровные новгородские крестьянки в ярких, залитых солнцем нарядах, улыбающиеся, разрумянившиеся!..

Интересно сравнить ранние работы Архипова, проникнутые оттенком скорби и печали, с творчеством последнего периода. Поздние произведения художника отмечены бурной, жизнеутверждающей силой мастера, влюбленного в жизнь.

Широким, свободным, красочным мазком воспевает Архипов человеческую красоту. Он гордится тем, что его родина стала свободной и человек в ней стал жить другой жизнью. И что самое главное, о чем знал Архипов,— советский человек стал нуждаться в красоте. Он был одним из первых, получивших звание народного художника РСФСР.

Его картины — гордость советского изобразительного искусства. Недаром о поздних полотнах Архипова говорят, как о «костре пламенно-красных цветов».

А. Архипов. ПРАЧКИ. 1901 г. Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек».

А. Архипов. ПО РЕКЕ ОКЕ. 1890 г.

Государственная Третьяковская галерея.

ГОСТИ. 1914 г.

А. Архипов. ДЕВУШКА С КУВШИНОМ 1927 г.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Архипов. ПОДЕНЩИЦЫ НА ЧУГУНОЛИТЕЙНОМ ЗАВОДЕ. 1895—1896 гг.

Государственная Третьяковская галерея.

В МАСТЕРСКОЙ МАСОК. (Вариант.) 1897 г.

ВСЛЕД ЗА СТАЯМИ ПЕРЕЛЕТНЫМИ...

Для тех, кто любит природу, кому хотелось бы поглубже проникнуть в заветные тайны невидимых глазу воздушных птичьих путей, по которым совершаются эти дальние перелеты, бесценным подарком стал фильм Александра Михайловича Згуриди: «Дорогой предков».

Згуриди поставил фильм по собственному сценарию на Московской киностудии научно-популярных фильмов. Создавая эту картину, студия сумела привлечь к своей работе режиссеров и операторов многих стран — Венгрии, Бельгии, Мексики. Они оказали ей большую помощь. Множество удивительных птичьих секретов подсмотрели создатели фильма, двигаясь вслед за стаями перелетными через бескрайние моря и пустыни. И какие же замечательные истории — то полные доброго юмора, то веселые, то печальные — поведали людям о своих пернатых героях...

Познавательный и занятный фильм принесет зрителю немалую пользу, особенно детям, вселяя в их сердца интерес к природе и любовь к жизни.

Н. ПАВЛОВА

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Советский фильм «Дикая собака Динго» получил в Венеции первую премию — Гран-при.

Награда высокая, и завоевать ее было трудно: в фестивале детских фильмов участвовало много хороших картин, снятых прославленными мастерами. Фильм «Дикая собака Динго» покорил зрителей поэтичностью, красотой человеческих чувств.

Эти качества в первую очередь шли от повести Р. Фраермана, по которой поставлена картина. Те, чье детство пришлось на тридцатые — сороковые годы, помнят эту книгу, с ее яркими характерами, интересными человеческими взаимоотношениями, окрашенными поэзией тех далеких уже дней.

Авторы фильма — сценарист А. Гребнев и режиссер Ю. Карасик — сохранили чистоту, прозрачную поэтичность повести. Кадры пронизаны солнцем, светом, теплотой. Таня — такая же, как в повести, мечтательная и порывистая девочка. В ее широко открытых глазах — нетерпеливое ожидание чуда. И вот оно приходит. Приходит первая любовь, первое женское кокетство, появляется взрослая уже углубленность характера. Очень хорош и Филька — верный Танин рыцарь, познавший горечь неразделенной любви, радость настоящей дружбы.

М. КВАСНЕЦКАЯ

Кадр из фильма «Дикая собака Динго». Таня — студентка ВГИК Галина Польских, Филька — Таяс Умурзаков, школьник из Алма-Аты.

К дням туркменской литературы в РСФСР

Ата АТАДЖАНОВ

ЧАЙКИ ЛЕТЯТ

В барханах заря пламенеет,
как год, как три века назад...
И дивно пустыне — над нею
свист крылышек:
чайки летят!

Летят над простором бескрайним,
не видя,
как, радостью пьян,
размазал папахой бараньей
веселые слезы чабан.

Летят не от моря, а к морю —
с обратной, с другой стороны!
С ведущей
в открытую спорят,
как спорить и люди должны.

Летят, будто снег, белокрылы,
как детская совесть, чисты...
И зорька в песках проявила
лиловую ленту воды.

И слышно, что по сердцу каждой
неведомый этот полет!
На голос, на гомон их
Каспий
крылатых встречающих шлет.

Перевел А. Кафанов.

Аллаберды ХАИДОВ

СТОЙКОСТЬ

Трава ложится и тускнеет
Под шорох знойного песка
Один в пустыне зеленеет
Колючий стебель янтака́.

Трава дымится серым пеплом.
Как жар, пески раскалены.
Лишь он один над этим пеклом
Стоит, как в первый день весны.

Он говорит в пустыне с нами —
Ему не нужен пышный зал —
О тех, кто крепкими корнями
С родной землей себя связал.

Перевел Ю. Гордиенко.

Анна КОВУСОВ

«МАХТУМКУЛИ» ИДЕТ К АТРЕКУ

«Припадаю с мольбой к тебе, всеблагой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!
Стражду я, жажду я, горю пред тобой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!..»

Так взывал ты к аллаху, Махтумкули.
Но не слушал поэта — молчал аллах.
И дымились от пыли края земли,
И сгорали рис и хлеб на полях.

Не молитвой — руками, силой своей
Полноводный канал мы ведем в пески.
...Смотрят сборщицы хлопка из-под бровей,
Смотрят вдаль мирабы из-под руки.

Люди смотрят туда, где, подняв пары —
День торжественный этот неповторим! —
Голубою дорогой идет в Мары́
Судно, именем названное твоим.

За штурвалом стоит молодой туркмен.
И народ ликует вблизи, вдали:
«Кораблем к нам вернулся Махтумкули!
Как никто, о воде он писать умел».

Впереди — Каахка, Ашхабад, Бамы́
И Атрек, где поэт открыл свой пенал.

...На развернутый свиток гляжу с кормы:
Как развернутый свиток, лежит канал.

Перевел Ю. Гордиенко.

Кара СЕЙТЛИЕВ

РАПОРТ

На берегу Мургаба я берегу
Память о коммунистах далеких дней.
Они при жизни были страшны врагу,
Но стали после смерти еще страшней.

Вот: «Павел Полторацкий» — наш комиссар.
Вот: «Дацатар Сахатов» — наш агроном.
Я сердцем ощущаю их сердца жар,
Идем мы к коммунизму в строю одном.

Их памятникам рапорт, как время, нов:
«Реактор. Спутник. Космос, Атомоход».
Не слыхивали, верно, подобных слов.
Для них мечтой фантаста наш день встает.

Так перед командиром стоит солдат,—
Я рапортую павшим:
«Светлы, чисты
Пришли канала волны к нам в Ашхабад,
Что было слишком дерзко и для мечты».

Май шестьдесят второго.
Журчанье вод.
К словам, которых прежде никто не знал:
«Реактор. Спутник. Космос. Атомоход» —
Добавлю:
«В каракумских песках канал!»

Перевел Анисим Кронгауз.

ЧАБАН

Берды КЕРБАБАЕВ

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Майская ночь близилась к концу.

Еще ярко, как в полночь, мерцали на темном небе звезды, и четко была видна дымчатая россыпь Млечного Пути, и безмятежно спали в траве певцы разноголосого птичьего хора, и воздух был зябко свеж, а над степью уже плыли нежные, переливчатые звуки свирели чабана Мурада.

Он сидел на бугорке и, полузакрыв глаза, водил из стороны в сторону длинным тюйдюком. Звуки то высоко, словно на крыльях, взлетали над пустыней, то вдруг опускались на землю, медленно таяли, и тогда в звенящей тишине ясно слышался перестук копыт овечьей отары, растянувшейся по склону заросшего высокой травой холма.

Скупая туркменская весна в нынешнем году неожиданно расщедрилась: после снежной зимы прошли дожди, теплые, обильные, и трава в пустыне буйно пошла в рост. Ожиревшие овцы с трудом несли свои тяжелые курдюки, пресыщенно выбирали самые сочные поляны и, казалось, больше дремали, сбившись в кучу, чем паслись. Зато курчавые ягнята не знали устали: день и ночь они носились вокруг отары, наскакивали друг на друга, бодались и взбрыкивали молочными копытцами.

Когда взошло солнце, Мурад сунул тюйдук за пояс, поднялся с земли, взял кривой посох и, приказав подпаску не спускать с отары глаз, зашагал через степь к горизонту, где недавно выросла буровая вышка. На ней всю ночь, до самого рассвета, горели яркие огни; казалось, будто самые яркие звезды опустились с неба на ее перекладины. Это-то и привлекло внимание старого чабана.

«Раз поднялась к облакам вышка со звездами — значит, в пустыне появились инженеры,— шагая, размышлял Мурад.— Ясно, они живут в белой палатке рядом с вышкой. Кто может со мной спорить?»

Несмотря на свой преклонный возраст, Мурад вышагивал бодро, далеко вперед выбрасывая длинные ноги, обутые в чокаи с толстыми, туго накрученными портянками. Вскоре он подошел к вышке и остановился чуть поодаль, высоко задрав голову в косматой папахе, подставив солнцу скуластое лицо с седыми усами и выщипанной бородкой, сквозь которую желтел голый подбородок и кадык.

Мураду никогда прежде не доводилось видеть в пустыне буровую вышку. Он несколько раз обошел ее кругом, с любопытством ребенка вглядываясь в балки, уходящие конусом в небо. Внутри вышки вертелась труба, по ней текла красновато-бурая глина. Труба медленно уходила в землю. Бурильщики следили за трубой и не замечали гостя.

«Видно, это очень дорогая труба, если все от нее не отрывают глаз»,— решил чабан.

К большому удивлению Мурада, труба вдруг перестала вертеться, плавно поползла вверх и стала ломаться на части. Бурильщики поднимали ровные отрезки трубы и складывали около вышки. А труба все ползла и ползла вверх и по-прежнему ломалась.

— Глубоко же вы ее запрятали в землю,— сказал Мурад после того, как поздоровался и пожелал бурильщикам успеха в работе.— Что, надеетесь найти пуп земли?

Стоявший ближе всех к чабану мастер улыбнулся и постучал кулаком по вышке.

— Найдем, она нам поможет,— сказал он.— Глубина скважины, старик, не такая уж и большая! Всего двести метров пока...

Мурад многозначительно поджал губы и покачал головой, словно ему все было ясно.

— Если хочешь видеть, из чего состоит пуп земли, следи, что вытряхнут рабочие из трубы,— продолжал мастер.

— Хорошо, я взгляну,— сказал Мурад.— А прежде ты мне скажи: как тебя зовут? Ты, я вижу, туркмен.

— Зовут меня Айдаром, а фамилия моя — Аширлиев. А тебя?

— Я чабан Мурад. Моя отара пасется неподалеку от вашей вышки.

Рабочие стали выколачивать из последнего колена трубы песок, и старый чабан склонился над ним. Песок был мокрый и разных оттенков. Бурильщики называли его породой. Они складывали образцы породы в длинные, как корыто у степного колодца, ящики. Один из рабочих все время что-то записывал в тетрадь, то и дело бросая пристальный взгляд на породу.

Айдар Аширлиев опустился на край пустого ящика и, достав из кармана пачку папирос, закурил. Мурад присел рядом с ним, положив на колени посох, и спросил:

— Для чего надо доставать песок с такой большой глубины, разве его мало в пустыне наверху?

Мастер выпустил струю сизого дыма, сбил ногтем с папиросы пепел и окинул старика с ног до головы недоверчивым взглядом.

— Мурад-ага, неужели ты не слышал, что здесь пройдет Каракумский канал, или ты хитришь и прикидываешься простачком? — спросил он.

Старый чабан нахмурился, стал крутить на палец свои вислые усы. Глаза его стали колючими и сердитыми.

— Я думал, что канал пойдет от большой воды Аму-Дарьи, а не из дырочки, которую просверлила ваша труба,— сказал он.— Я читаю газеты...

Айдар Аширлиев швырнул на землю окурок, придавил его башмаком и подвинулся ближе к чабану.

— Не сердись, я думал, что ты надо мною подшучиваешь,— сказал он.— Разве ты, прежде чем перегнать отару на новое место, не сходишь туда сам?

— Только ленивый не поступит так,— согласился Мурад.

— И чем он может быть наказан?

— Он может потерять овец.

— Верно! Ты же знаешь, что Аму-Дарья не родничок, какие стекают с Копет-Дага.

— Знаю,— сердито буркнул Мурад.— Что ты меня экзаменуешь, такое знает каждый школьник!

— Если пустить воды Аму-Дарьи как попало, они могут уйти в песок или направиться туда, куда не нужно,— спокойно закончил свое объяснение мастер и полез в карман за новой папиросой.

Старый чабан потеребил седую, жидкую свою бородку, провел рукой по усам и неопределенно пожал плечами. «Что с ней поделаешь, с этой рекой, если она решит уйти в песок?» — говорил его жест.

— А мы ей этого не позволим,— сказал Айдар Аширлиев.— Для того мы и воздвигли здесь буровую...

К беседующим подошел старший мастер Жигайлов в измазанной глиной спецовке. Он поздоровался с Мурадом и обратился к Айдару.

— Ты совсем заучил нашего гостя, надо его сначала попотчевать чаем,— сказал он.— Идемте, чабан Мурад, в палатку.

Старик оперся на посох и поднялся с ящика.

Около палатки старший мастер придержал Мурада за локоть.

— Осторожно, там злая собака, может укусить,— сказал он.— У нее щенки...

Мурад высвободил локоть и смело прошел вперед, не замедляя шагов.

— Собака никогда не укусит чабана,— сказал он.

И на самом деле, бросившаяся из конуры ему навстречу большая рыжая сука вдруг остановилась, завиляла виновато хвостом и, опустив голову, подошла к чабану, стала тереться о его ноги.

Мурад опустился на колени и заглянул в

собачью конуру. На соломе, тесно прижавшись друг к другу, лежали шесть пушистых лобастых щенков. Лицо старого чабана помолодело от ласковой улыбки. Он мог пересечь всю пустыню, чтобы взглянуть на породистых щенков.

Просунув в конуру руку, чабан вытащил за холку самого рослого щенка, высоко поднял его над головой. Глаза его светились детской радостью, он, казалось, забыл про все на свете.

— Ты мне нравишься, глупыш,— бормотал он, трепля щенка за вислые уши.— Подрастешь и станешь хорошим сторожем. В твои владения не сунется ни один волк, ты ему спуску не дашь...

Нехотя, точно ему было больно расставаться со щенком, Мурад положил его на место и поднялся на ноги.

— Скажи, глава мастеров, волки навещают и вашу буровую вышку?— спросил он, гладя ластившуюся к нему суку.

— В песках бродят шакалы и лисицы, хороший сторож нужен и в нашем хозяйстве,— сказал старший мастер.

Старик согласно кивнул головой.

— Собака — друг человека, — вымолвил он.— Спасибо, что растишь, начальник, мне хороших помощников...

— Каких помощников, яшули?— удивился Жигайлов.

— А разве тебе мало одной хорошей собаки?— прищурившись, спросил Мурад.— Щенки мои, а сука ваша, не так ли?

Старший мастер весело расхохотался, погрозил гостю пальцем.

— Ну и хитер же ты, яшули! — воскликнул он сквозь смех.— Можно подумать, что мы обязались готовить для тебя кадры сторожей.

Жигайлов подошел к старому чабану и обнял его за плечи.

— Я пошутил, яшули,— сказал он.— Считай, что щенки твои. Можешь забирать их, когда захочешь. Бери впридачу и суку.

— Нет,— возразил Мурад.— Вам тоже нужен сторож.

— Ладно,— сказал старший мастер.— Раз дело решено, прошу к нашему шалашу.

Мурад вошел в палатку и остановился у порога, пораженный ее уютом. Сквозь целлулоидные окошки в нее вливались лучи утреннего солнца. Вдоль брезентовых стен стояли аккуратно застеленные раскладушки, около каждой — тумбочка. Посреди палатки возвышался стол, на нем стояла баночка с букетом цветов. Два угла палатки закрывали ситцевые цветастые занавески.

Из-за занавески навстречу Мураду вышла молодая смуглая женщина с ребенком на руках. Пастух недоуменно взглянул на Жигайлова.

— В пустыне женщина — чудо,— вымолвил он.— Откуда она?

— Не надумал ли ты жениться, яшули?— подмигнув чабану, спросил старший мастер.

— Я сам люблю пошутить,— наморщив лоб, сказал Мурад,— но серьезный вопрос требует такого же ответа. Может, я не ясно говорю?

— Не обижайся,— улыбнулся Жигайлов.— Если без шуток, то это наша повариха.

Женщина опустила ребенка на пол и, гремя тарелками, принялась собирать на стол. Делала она это быстро и ловко, чем сразу же завоевала расположение Мурада. Пастух следил за ее проворными руками, качал головой и улыбался. «Почему я до сих пор не догадался взять в пустыню жену?— про себя размышлял он.— Или мне не по нутру чистота и порядок? Она будет моим помощником в отаре, и у меня всегда будет хороший обед».

Мурад поморщился и безнадежно махнул рукой: «К чему мечтать о пустом? Жена не может оставить в селе детей одних. Они учатся, и им тоже нужен хороший обед. А я уже привык один в пустыне».

Пока Мурад был занят своим раздумьем, в палатке появилась еще одна женщина. Окинув прищуренным взглядом ее просторное платье, Мурад перевел глаза на старшего мастера. Темные потрескавшиеся губы его раздвинула улыбка.

— Познакомься — моя жена,— сказал старший мастер.

Мурад осторожно пожал протянутую ему женщиной руку.

— Туркменская земля щедрая, если есть вода, не пропадет ни одно зерно. Прорастет и даст хороший урожай,— сказал он.

— Мы, Мурад-ага, строители, а не крестьяне, не забывай,— принимая шутку, с улыбкой отозвался старший мастер.

— Я помню! И все-таки виды на урожай неплохие... Как думаете назвать мальчика?

— Откуда ты знаешь, что будет сын?— спросил, в свою очередь, Жигайлов.

— Туркменские степи любят, когда рождаются мальчики.

— Хоть ты и чабан, Мурад-ага, но рассуждаешь, как бай,— сказал старший мастер.— Почему ты не любишь, когда рождаются девочки?

— Кто тебе сказал такое?

— А как же еще понимать твои слова?

— У меня три сына и три дочери,— ответил Мурад.— И все мне дороги одинаково. Старший сын — агроном, второй — зоотехник, старшая дочь учится в Москве.

— В каком же она институте?

— Эмгену, что ли? В самом большом здании...

— На каком же она в МГУ факультете?

— Мне и не выговорить: матмадык, что ли?..

— На механико-математическом? Что ж, это очень хороший факультет.

— А ты говоришь, что я против девочек! Кто может сказать, что я дал образование сыновьям и отказал в нем дочери?

— Никто.

— То-то... Ты откуда сам родом?

— С Урала.

— Тогда назови сына Туркменом.

— Ты, Мурад-ага, читаешь наши с женой мысли,— засмеялся старший мастер.

— Человек, у которого дочь матмадык, должен же кое в чем разбираться,— гордо произнес старый чабан.

— Ты что-то больно расхвастался, Мурад-ага,— усмехнулся Жигайлов.— Все я да я...

— Кто хвалит себя, у того корень гнилой,— сказал Мурад.— Я не хвалюсь, я говорю только правду. Смотри сюда...— Он отвернул полу чекменя.— Что это?

— Орден Ленина.

— Видишь, кого я ношу на груди! Я чабан и получил этот орден за новую сараджинскую породу овец, которую начал разводить наш колхоз. Схвати в моей отаре с закрытыми глазами любую овцу — каждая весит не меньше ста килограммов. Некоторых старых баранов приходится тянуть за хвост, чтобы они встали на ноги. Хотите верьте, хотите нет, а бывали такие случаи, что у самых жирных овец от сильного испуга отрывались курдюки. Теперь вы видите, как дорог мне ваш подарок — лопоухие щенки? Они вырастут надежными сторожами моей отары.

Мурад умолк, взял со стола пиалу с давно остывшим чаем и, отхлебнув глоток, снова поставил ее на место. Он любил чай, но поговорить любил еще больше: в пустыне редко встретишь человека и приходится больше молчать.

— А ты, Айдар, из какого села?— спросил он по-туркменски бурового мастера.

— Из села Гями, что возле Ашхабада.

— Ты приехал оттуда прямо сюда?

— Нет, я много лет работал каменщиком в Небит-Даге,— ответил мастер.— Когда началось строительство Каракумского канала, я решил переменить специальность. Я туркмен и знаю цену воде. В моей памяти навсегда осталось, как на маленьком клочке земли у отца гибло без воды все, и мы, его дети, оставались без куска лепешки. Теперь скажи, Мурад-ага, мог ли я не поехать на строительство такого канала?

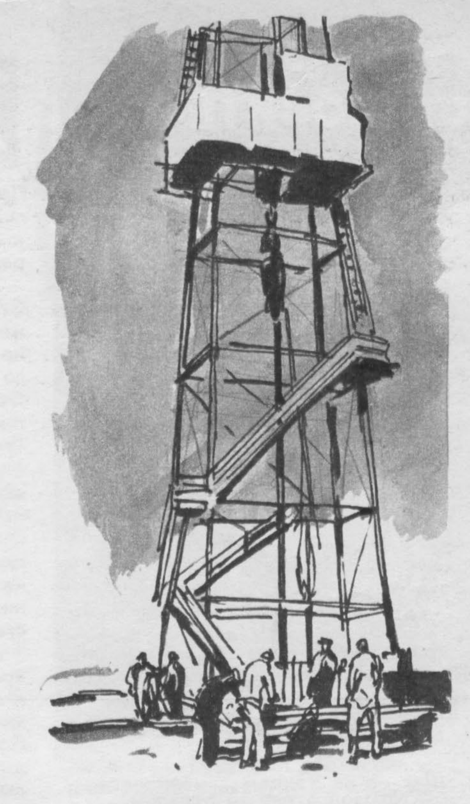
— Ты молодец, Айдар!— сказал Мурад.

— Твой земляк, Мурад-ага,— способный человек,— вымолвил старший мастер.— Он скоро станет на буровой старшим мастером и заменит меня.

— Мой народ — трудолюбивый народ,— сказал Мурад.— Будет у него вдоволь воды, и тогда увидим, что он еще сможет сделать. Он превратит свою землю в цветущий сад.

— Может, ты, Мурад-ага, нам сыграешь на тюйдуке?— попросил Айдар.

Мурад охотно согласился. Он встал, закатал рукава чекменя, поднес к губам тюйдук и заиграл, поводя инструментом из стороны в

сторону. Заскорузлые пальцы пастуха быстро замелькали то вниз, то вверх по мундштуку тюйдука.

— Джан! Дж-ж-а-а-н! — подбадривал музыканта Айдар.

Окончив мелодию, Мурад опустил тюйдук, вздохнул и сел.

— О чем эта песня?— спросил Жигайлов.

— Это старинная пастушья песня «Акбилек»,— ответил Мурад.— Кто не знает, что волки нападают на овец ночью? Днем чабану спокойнее. Так вот, однажды в такое спокойное время один чабан заметил, что к его отаре несутся с горящими глазами и раскрытыми пастями три волка. Собак близко не было: их увел подпасок на стан кормить. Что было делать безоружному чабану? Волки могут напасть на отару с разных сторон; бросится он с посохом к одному — другие в это время вопьются зубами в овечьи курдюки. А надо вам знать, что волки первым делом хватают овцу за курдюк, видимо, им жир по душе не меньше, чем нам. Говорят, что когда волку сказали, чтобы он перестал разбойничать, он ответил: «Когда курдюк перестанет быть вкусным, я тоже перестану быть злодеем!» Но чабан не растерялся. Он взял тюйдук и заиграл. Звуки долетели до слуха собак на стане. Вожак Акбилек поднял голову, навострил уши и тут же сорвался с места. За ним к отаре помчалась вся свора. Волкам в тот день не удалось унести ноги.

Не успел Мурад кончить свой рассказ, как на дворе раздался заливистый лай суки и чье-то грозное рычание. Все бросились из палатки. Огромный пес с обрубленными ушами и хвостом, весь ощетинившись, наступал на одного из рабочих, который отбивался от него палкой.

— Акбилек!— крикнул Мурад.

Пес поднял голову, завилял куцым хвостом, виновато подбежал к хозяину.

— Хоть и умный ты пес, а дурак,— насупив брови, сказал чабан.— Услыхал звуки тюйдука и прибежал — молодец, но зачем же поднимать шум? Ложись!

Акбилек лег у ног хозяина, положил голову с огромный пастушеский котел на его чокаи и, полузакрыв глаза, замер.

Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, но еще не пекло, а лишь мягко пригревало. В его ярком свете особенно зелеными казались обширные луга майской пустыни.

Мурад попрощался со своими новыми друзьями, перекинул через плечо посох и зашагал к своей отаре. Акбилек трусил с ним рядом, забегая по временам наперед, вскидывая голову и заглядывая хозяину в глаза.

Бурильщики долго стояли у палатки, глядя вслед удаляющемуся чабану.

Перевел с туркменского
Анатолий ФЕРЕНЧУК.

ПОРА ОСТАНОВИТЬСЯ...

Шагает по улицам американских городов отряд за отрядом...

Те, у кого на пилотках надпись «Бывший командир», знают, чем кончаются парады.

Продают билетики по 25 центов за штуку.

«Нам оружия не надо!»

Правой! Правой! Правой!» Шагает по улицам отряд за отрядом. Надвинуты на лоб каски. Взмах руки. Стук башмаков. Чикаго смотрит на отряд. Прошел один. Приближается другой. «Правой!» Гремит оркестр, колышутся знамена. Военный парад в честь погибших на войне...

Утром на главную улицу Чикаго Стейт-стрит пришла под флагом небольшая группа людей. Шагали не в ногу. Не получалось: у одного костыли, у другого протез. Остановились на углу, отдышались: старость. Поставили магнитофон и прочитали молитву. Выступил вперед старик в военной форме. «Бывший командир» — написано на пилотке. Прочитал список имен. Сказал грустно: «Нет в живых... Погибли... Почтим их память». Снова включили магнитофон, заиграл гимн. Потом свернули флаг и разошлись.

...А эти шагают слаженно. Без костылей, без протезов. Молодые и сильные. «Правой!» А куда шагают? Может быть, остановиться? Пока не поздно. «Бывший командир» знает, чем кончаются парады. Спросите у него. Но спрашивать не хотят. По улицам Чикаго и других городов прошли солдатские колонны. Пусть американцы привыкнут к солдатскому шагу.

Но американцы не привыкают. Об этом сказал мне рабочий. Вы видите его на снимке. Он строит в Чикаго газопровод. Разогнул спину, чтобы подумать. Выпустил струйкой дым от русской папиросы и сказал:

— Нет, американцы не хотят войны! Мы любим мир. Вы тоже. Так почему мы не можем дружить?

Почему? А солдатские колонны? Они маршируют не только в Чикаго. Их много в Таиланде, Южном Вьетнаме, Японии, Западной Германии, Корее. Зачем они там? Ты знаешь?

Рабочий молчит. Потом тихо:

— Не я их туда посылал.

А кто не соглашается на разоружение? Отвечает:

— Только не я. Понятно, что оружия нам не надо.

И снова взялся за работу.

В Филадельфии в 4 часа дня людно на улицах. Кончается работа. В это время выходят на улицу две женщины. Они продают билетики по 25 центов за штуку. Чтобы покупали билетики, сообщают, что есть среди них счастливый номер. Счастливый номер выиграет «Рамблер» — новенький автомобиль. Но счастливых будет больше, если больше продадут билетиков. Счастье улыбнется многим несчастным родителям. Их дети больны туберкулезом. Надо лечить, а лечить трудно. Больницы обходятся дорого. Говорят, что вместо больниц надо делать оружие. Вот куда идут налоги. Поэтому и вышли на улицы члены благотворительного общества: собирают деньги на строительство детской больницы святого Кристофора.

Вот что такое милитаризм. Вот почему миллионы американцев против войны. Им не нужны протезы вместо рук, бомбы вместо больниц, винтовка вместо лопаты. Честным американцам нужен мир.

Л. КУЗНЕЦОВ

Чикаго—Филадельфия.

82° 20′

В. ВЛАДИМИРОВ

Маленькая пожилая женщина с живыми глазами приветливо встречает меня в старом ленинградском доме, на улице Халтурина. Вера Валерьяновна Седова вынимает из бюро старомодный портфель, а из него две тетради в черных клеенчатых переплетах. Строчки написаны уверенным, энергичным почерком — это рука легендарного человека нашего столетия — Седова.

Я читаю его неопубликованный дневник и не могу побороть в себе странного ощущения какой-то волшебной сказки. Передо мной женщина, которая была женой Седова и провожала его пятьдесят лет назад в поход к Северному полюсу, откуда он не вернулся...

В моей памяти возникает Красногорск, городок, расположившийся недалеко от Москвы, где находится Государственный кинофотофоноархив. Здесь на экране маленького просмотрового зала я впервые увидел мою ленинградскую знакомую — еще совсем молодую, со счастливым лицом. Рядом с ней Седов — крепкий, мужественный моряк с мечтательными глазами. Когда он отправился к Северному полюсу, ему было тридцать пять лет.

Я снова перелистываю страницы клеенчатых тетрадей.

27 (14) августа 1912 года. Парусно-паровой корабль «Святой Фока» уходит из Архангельска. На нем находятся участники русской полярной экспедиции, поставившие себе целью достичь Северного полюса.

«В этом состязании участвуют почти все культурные страны,— писал Седов в Главное гидрографическое управление,— и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор».

А вот слова самого Ломоносова: «Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпринять долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-ым и 65-м северной широты обращаться...»

Седов хотел водрузить русский флаг на полюсе, хотел осуществить заветы великого помора и устремиться во льды Севера прежде всего в интересах русской науки.

В состав экспедиции Седова входили люди науки: гидрограф — сам Седов, геолог М. А. Павлов, географ В. Ю. Визе, ставший в наши дни академиком. Принимал участие в экспедиции и Н. В. Пинегин, впоследствии прославленный художник.

Экспедиция Седова была снаряжена на общественный счет — «по подписке». Правительство решительно отказало в деньгах Седову. «...Морской министр высказывает тот правильный взгляд,— объявила газета «Голос Руси»,— что России не нужен Северный полюс... Кредиты Морского министерства созданы для возрождения морской мощи страны, а вовсе не для покровительства «гаттерасовских авантюр».

С одной стороны, русская наука и подвиг, с другой — морское министерство и «гаттерасовские авантюры»...

Многие морские офицеры не любили Седова. Им был чужд этот «выскочка» — сын рыбака с Азовского моря. В юности Седов служил приказчиком в бакалейной лавке. С невероятной настойчивостью ему удалось поступить в мореходные классы Ростова и прекрасно окончить их. Но морская дворянская каста не могла принять в свою среду человека «без роду, без племени», который выдвинулся исключительно благодаря личным заслугам в исследова-

Вера Валерьяновна и Георгий Яковлевич Седовы. Редкий снимок.

Г. Я. Седов в полярном костюме. Архангельск. 1912 год.

СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

нии арктических морей (Седов работал в устье Колымы и на Новой Земле). Вдобавок Седов отличался и «крамольными» взглядами: он, например, выступал в печати за право женщин участвовать в морских походах и даже издал в 1908 году книгу «Право женщин на море», что в те времена считалось чуть ли не «подрывом устоев» флота...

Итак, экспедиция Седова была снаряжена по подписке. Трогательные письма приходили к нему со всех концов страны:

«...Прилагаем при сем скромную сумму, собранную сегодня в спортивном кружке студентов-технологов...»

«...Я считаю своим долгом пожертвовать свое двухмесячное жалованье... При сем прилагаю 1 рубль. Стрелок-рядовой пограничной стражи П. Л...»

Было собрано 108 тысяч рублей. Зафрахтовано зверобойное судно «Святой Фока». Личный состав экспедиции был уменьшен до предела: всего семнадцать человек.

В проспектах будущего морского похода писали: «В начале 1913 года полюсная партия, в составе трех человек (считая Седова), на шести нартах (60 собак) идет к полюсу, а главная экспедиция под командой ближайшего помощника Седова — штурмана, занимается все время, до возвращения полюсной партии, научными работами у берегов Земли Франца-Иосифа.

Достигнув полюса, партия делает там необходимые астрономические и другие наблюдения в течение дня-двух, в зависимости от погоды, водружает русский флаг и возвращается обратно (если окажется, что пройденный путь слишком тяжел) к берегам Гренландии, по течению, к мысу Колумбия — широта 84° — и через Америку в Россию».

Предполагалось также основать на Земле Франца-Иосифа постоянную научную базу. Это значительно помогло бы изучению движения льдов и морских течений в Арктике.

«Святой Фока» отвалил от Соборной пристани Архангельска после обязательного молебна, в течение которого Пинегин вращал ручку киноаппарата, прилежно выполняя инструкции своего учителя кинооператора испанца Серрано, который поучал его: «Быстрей крути, а то ваш поп будет бегать, как собако...»

Пинегину мы обязаны документальным фильмом об экспедиции Седова. Это первый полнометражный фильм об Арктике, снятый в России. Были засняты вынужденная зимовка седовцев на Новой Земле и их путь к Земле Франца-Иосифа.

По вине купцов-подрядчиков «Фока» вышел из Архангельска с опозданием и попал в тяжелые льды. Вместо одной зимовки, как предполагалось, получились две — вторая уже на Земле Франца-Иосифа в бухте Тихой на широте 80°20′.

Зимовка была трагической. Началась цинга. Заболел и Седов. Но 15 февраля 1914 года, несмотря на болезнь, он двинулся на север с матросами Линником и Пустошным. 1 марта Седов сделал последнюю запись в своем дневнике: ...«Болен я адски и никуда не гожусь... Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо!.. При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82° северной широты...»

Началась свирепая, арктическая пурга.

В ночь с 3 на 4 марта Линник написал в своем дневнике: «Всю ночь о сне никто и не думал, так как ежеминутно начальник теряет сознание, мечется во все стороны, ища облегчения. Все время горит примус, растираем спиртом грудь и ноги начальнику, но облегчения никакого не получается, и видимо, что болезнь принимает опасный оборот. Боюсь, чтобы все не окончилось печально...»

5 марта новая запись: «Пустошный, стоя на коленях, держит примус над грудью начальника, я поддерживаю на руках голову. К великому нашему горю, это продолжалось недолго, и в 2 часа 40 минут дня начальник в последний раз сказал: «Боже мой, боже мой! Линник, поддержи!» Голова, находившаяся у меня на руках, склонилась, (он) слегка захрипел и испустил последнее дыхание. Страх и жалость, в эту минуту мной овладевшие, никогда в жизни не изгладятся из моей памяти...»

9 марта — холодный, но ясный день. Пурга улеглась. Два человека в ледяной пустыне тащат нарту, на которой в парусиновом мешке лежит Седов. На широте 82°20′ на мысе Аук (берег острова Рудольфа) матросы киркой и лопатой разгребают снег, кладут тело, накрывают его русским флагом и засыпают могилу. Остается поставить крест, сколоченный из лыж, и положить камни.

Постояв у могилы и оставив нарту, кирку и молоток, матросы бредут обратно.

До Северного полюса осталось около тысячи километров.

Древко от флага, оставленного матросами на могиле, было найдено сотрудниками советской полярной станции в 1938 году. Его можно увидеть в Музее Арктики в Ленинграде.

Линник и Пустошный, полуживые, добрались до своего корабля 31 марта. В топку «Фоки» было брошено все, что способно гореть, даже деревянные части корпуса. 12 августа «Фока» вышел с зимовки и добрался до чистой воды. Он дошел до Мурманска под парусами.

Петербургские чиновники встретили седовцев презрительно. Морской министр Григорович сказал по адресу погибшего Седова чудовищную фразу: «Жаль, что не вернулся этот прохвост, я бы отдал его под суд за просроченный отпуск...» Когда родители Седова попросили материальной поддержки, им ответили, что экспедиция, дескать, никакого отношения к Морскому министерству не имела. Подписал это «сочинение» некий «заведующий канцелярией коллежский асессор Около-Кулак».

Седов до полюса не дошел. Но имя героя не сходит с географических карт, с бортов кораблей.

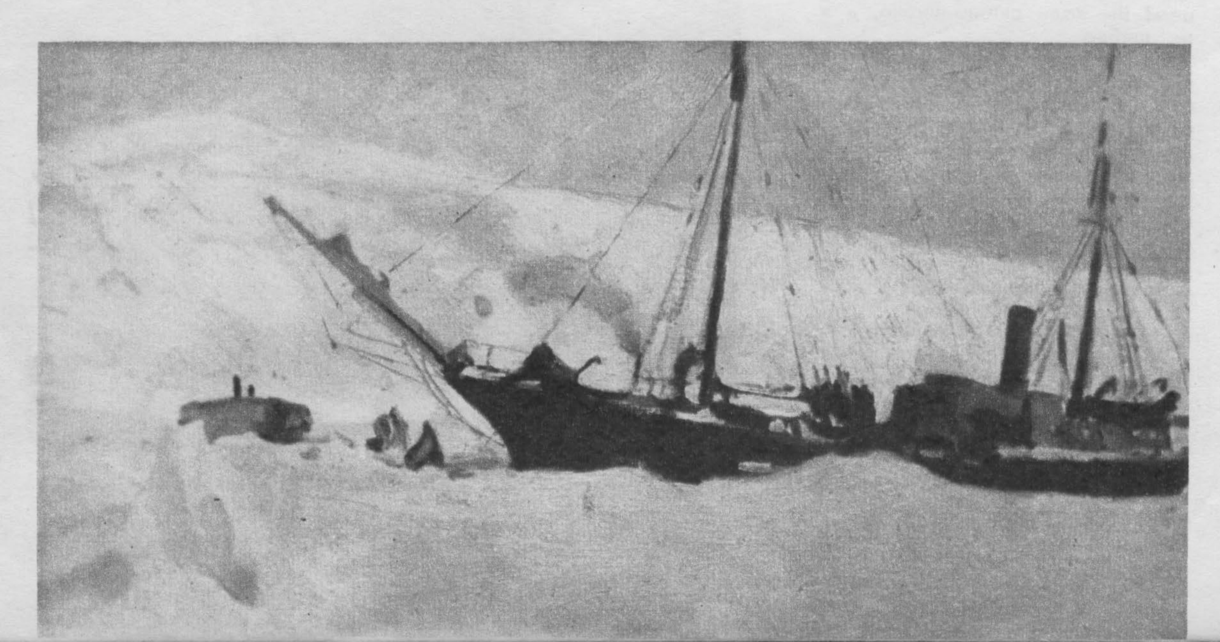
Заслуги Седова и седовцев — собранные ими научные сведения о берегах полярных островов, о морских течениях, о дрейфе льдов, о глубинах, ветрах, температурах... Все это оказалось неизмеримо значительнее, чем представлялось вначале, при обработке материалов.

Дело, завещанное нам Седовым, в надежных руках. На полюс прилетают самолеты с надписью «Полярная авиация», арктические льды дробятся под могучим форштевнем атомохода «Ленин».

Имя старшего лейтенанта Георгия Яковлевича Седова всегда сияет над Арктикой. Оно от нее неотделимо. Седову посвящены замечательные строки советского поэта Н. А. Заболоцкого:

Вставай, Седов, отважный
сын земли!
Твой старый компас мы
сменили новым,
Но твой поход на Севере
суровом
Забыть в своих походах
не могли...

«Святой Фока» во льдах. С картины Н. В. Пинегина.

Г. Я. Седов на палубе «Святого Фоки».

Путешествия «Огонька»

Александр ГОВОРОВ

Фото Б. ЖИДЕНКОВА.

ЗА ЖЕНЬШ

Слышу запахи тайги, теплые, бодрящие; вижу крупные августовские звезды величиной с кулак, и лист в изморози, словно захолодевшая к утру антоновка, чуть-чуть покачивается над головой.

Трещит костер. Тишина... И вдруг ночная тишь, словно кусок материи, разорвалась надвое, и поплыли над тайгой тревожные протяжные звуки:

— Ваанн-доонн-гоо!.. Ваанн-доонн-гоо!..

Мне становится страшно, не по себе, чувствую, как по коже побежали мурашки. Но Борис Андреевич равнодушно замечает, высунув голову из накомарника:

— Опять ван-дон-го кричит. Значит, корень близко. Это небольшая птица из рода совок. Но столько легенд ходит о ней! Рассказывают, пошел как-то один китаец за женьшенем. Ушел и не вернулся. Ждала-ждала его жена, не дождалась и пошла в тайгу его разыскивать. И по сей день зовет, но напрасно.

А над тайгой несется «ваанн-доон-гоо!.. ваанн-доон-го!». И снова тишь. И тайга стала еще задумчивей и загадочней. Трещит костер. И мы, заросшие щетиной, пропахшие дымом, изъеденные мошкой и комарьем, вот уже шестой день находимся в самом сердце Уссурийской тайги.

* * *

А началось это так.

Мы сидим в Приморском отделении Союза писателей РСФСР с фадеевedом, очень интересным прозаиком Василием Трофимовичем Кучерявенко, и молодым поэтом Юрием Рудым, разговариваем о современной литературе, о наших общих знакомых.

Стук в дверь. Стремительно и легко, почти не касаясь пола, входит высокий мужчина с чуть выдающимися вперед скулами. Волосы русые.

— Борис Андреевич Жиденков,— знакомит нас Кучерявенко,— наш писатель-натуралист, тигролов...

— Зашел проститься и узнать о судьбе моего рассказа. Завтра ухожу в тайгу на корневку.

— На корневку? А что это такое?

— Искать и копать женьшень.

— Возьмете меня с собой?

Он оценивающим взглядом окидывает меня с ног до головы и вместе с Кучерявенко начинает отговаривать: мол, комарье, мошка, энцефалитные клещи...

Я понимаю их. Тайга есть тайга. А с новичком возиться — лучше дома просидеть. Но настойчивость колеблет их, и вот... Мы в Иманском аэропорту, за 600 километров от Владивостока. Здесь долго не задерживаемся. Работяга «АН-2», или, как еще его называют там, «Антоша», поднимает нас над тайгой. Ведет самолет молодой летчик, заместитель начальника подразделения Александр Кудинов. Экипаж, которым он командовал, первым в подразделении получил звание экипажа коммунистического труда. Сообщение между селениями в самом глухом в Приморье Пожарском районе лишь самолетами. Напряженность на авиалиниях такова, что летчикам некогда пообедать.

С высоты полета тайга — словно вспаханное поле, и кажутся не вспаханными лишь русла рек и речек.

Показался Красный Яр — очень молодое удэгейское селение. Заместитель председателя артели «Охотник» Александр Михайлович Уза, по национальности нанаец, с улыбкой говорит, что Красный Яр — это Советский Союз в миниатюре: здесь живут представители более 15 национальностей: эвенки, тазы, якуты, буряты, нанайцы, орчи, чукчи, ненцы, татары, корейцы, китайцы, белорусы, украинцы, русские...

Еще несколько лет назад на этом месте шумела тайга, а рядом стояло село Олон, а чуть выше — Сиин. То и другое затоплялось, когда выходила из берегов удивительно красивая, но потрясающе капризная горная река Бикин. И вот на заседании правления артели было вынесено решение выбрать место и сселить эти два села в одно.

Строительство здесь идет полным ходом. Руководит им член правления артели удэгеец Владимир Алексеевич Канчуга.

— Что говорить,— замечает плотник Андрей Дзандулевич Суанка,— неплохо строим. Научили нас этому делу русские. В 1932 году организовался у нас колхоз. Нужно жить, а домов нет. Ведь раньше удэгеи не строили домов, а жили летом в шалашах на берегу рек, а зимой в берестяных балаганах. Но спасибо плотникам, ныне пенсионерам Степану Афанасьевичу Сенегину и Григорию Андреевичу Егоровскому. Это они научили нас плотницкому делу.

Уже построено 75 домов, а к концу семилетки все семьи отметят новоселье на новом месте.

Мы переходим к дому Сини Дисановича Дункая. Семидесятипятилетний старик, сейчас уже пенсионер, неоднократный участник Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Без него за женьшенем ходить нет смысла. Мы упрашиваем его. Он колеблется. Долго думает, теребя свои длинные седые усы, и в это время лицо у него хитрое, прикидывающее, похожее немного на мордочку бурундука.

— Писатели? Да? А обуця в цем? Вы ходи шибко-шибко, а я не шибко.

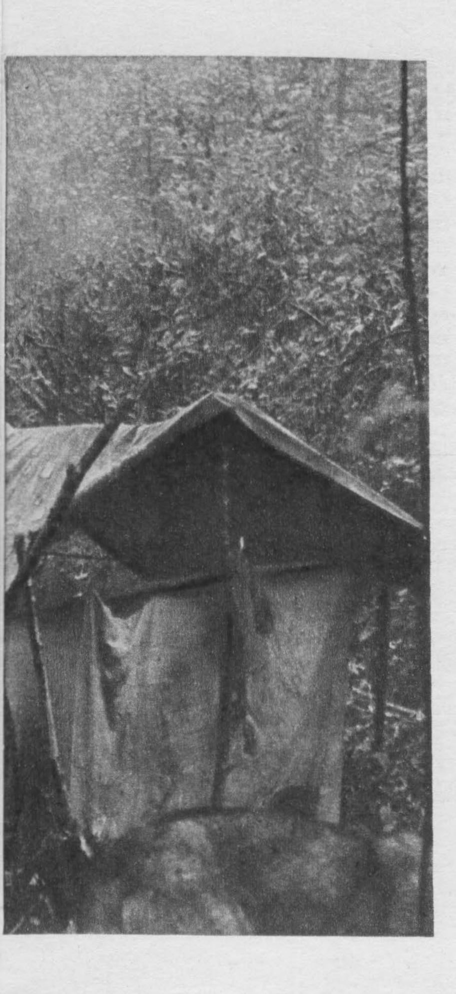
Но наконец Сини Дисанович, его сын Федор, студент 5-го курса Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, другой сын, Николай, работающий завклубом, пасечник Сергей и мы с Борисом Андреевичем — в лодках. На реке словно сирены воют — такой стон стоит от моторок. Ведь в каждой семье своя моторка. Мы поднимаемся к верховьям реки Бикина. Очень трудно вести моторку через завалы и перекаты этой капризной реки. Но Федор Кза, наш лодочник,— мастер своего дела, и к вечеру мы благополучно добрались к подножию сопки Панчелаза. Мо-

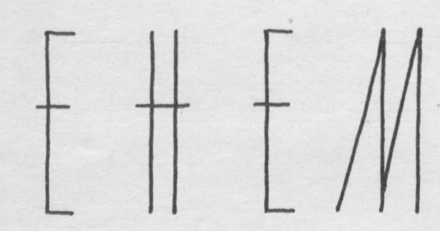

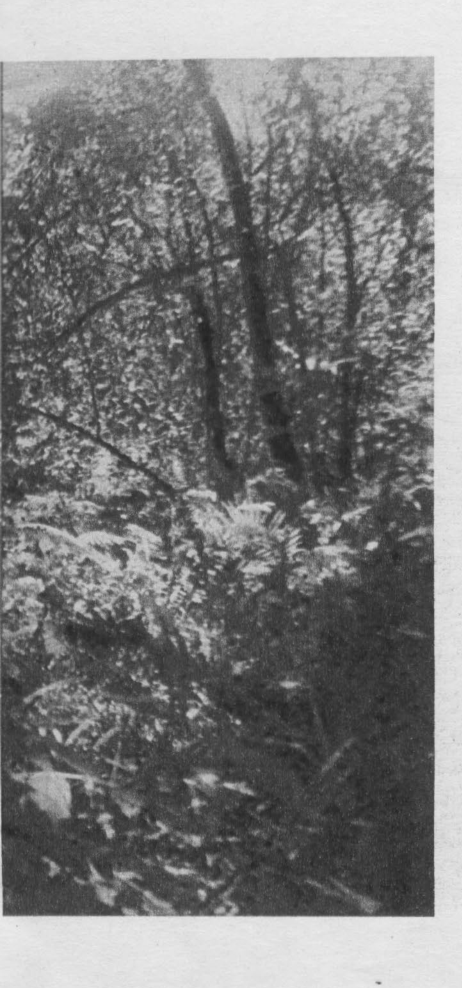
Разведены дымокуры. Можно отдохнуть.

Это необычный кедр — кедр-молельня. В его дупло китайцы — искатели женьшеня — клали бусы, кусочки хлеба и другие дары...

торка ушла. Мы разбили балаган. Итак, нас с Федором впервые взяли на корневку...

— Настроим глаза на женьшень,— говорит Сини Дисанович, просыпаясь утром.

Я вскакиваю и, забыв, что в тайге, выбираюсь в одних трусах из накомарника. Накомарник — это нечто вроде легкой палатки из редкого ситчика.

Ух, ты, черт! Комары — роем, тучей. Хватаю платок, отбиваюсь — и снова в накомарник. Борис Андреевич проснулся и начинает готовить завтрак. Николай сидит в накомарнике и раскатывает тесто для лепешек. Дело в том, что ни удэгейцы, ни нанайцы-охотники с собой в тайгу сухари не берут, а берут муку, потому что с сухарями одна морока. Чуть дождь — и выбрасывай их. А мука — дело другое. Попадет в реку, ничего не случится. Покроется тестом пальца на два, как броней, и сырость ей уже не страшна.

Часов в десять, позавтракав, вышли на работу. Да, да, на работу, на трудную и зачастую неблагодарную работу: искать корень жизни. Крупные гроздья росы со звоном катятся под ноги, комары, как собаки, набрасываются на нас с каким-то зверским подвыванием. Идем цепью. Один от другого метрах в двенадцати. В руках длинные легкие палки — раздвигать траву. Поднимаемся к вершине сопки Задумчивой. Густые заросли лимонника, кусты бересклета, вереска и чертова дерева, как щупальца спрута. Сопка все круче и круче. Глаза от напряжения начинают ныть. Я останавливаюсь. Вижу растение, по описаниям очень похожее на женьшень. Подзываю Федора. Вместе решаем, что это и есть женьшень. Стучу палкой по стволу дерева, как и уславливались. Приближается Борис Андреевич, продираясь сквозь чащобу.

— «Пан-цуй» кричи!

Я с радости и завопил:

— Пан-цууй! Пан-цууй!

Пан-цуй, по-китайски — женьшень. Подошедший Борис Андреевич с досадой замечает:

— Волчьи ягоды нашли.

Ммда!..

* * *

...Мы уже шестые сутки в пути. Пошел дождь. Вымокли до нитки. Тайга заискрилась. На каждый лист больно глядеть, до того ослепительно все. Комарья и мошки столько, что каждый вдох сопровождается надсадным кашлем: с воздухом глотаем эту гадость.

Решаем отдохнуть. Разводим дымокуры. Дым такой, что мухи в обморок падают. Но комарью хоть бы что, еще злее. Лица у всех нас кровоточат от укусов. Шестые сутки, а еще ни корешка не нашли. Мы возвращаемся к нашему лагерю. Должны подойти моторки, чтобы забрать Федора: ему нужно на районную учительскую конференцию,— а остальные будут продолжать поиски. Идем цепочкой. Руки автоматически выполняют два движения: счищают с лица комарье и делают заломки, чтоб легче было пройти к нашему исходному пункту. Руки все в ссадинах, ладони в кровяных мозолях.

И вдруг впереди я вижу, как, споткнувшись, падает Борис Андреевич:

— Пан-цуй! Пан-цуй!

Я подумал — змея. Но все бегут к нему. Подбегаю — женьшень. Чудесный четырехлистный первый красавец. Огромное поваленное то ли старостью, то ли бурей дерево слегка придавило его, но ослепительно красная головка величественно и как-то очень просто смотрит на нас. Рядом, на огромном старом кедре, мы видим древний китайский конверт и затесы. Конверт — это срез куска коры с кедра для завертки и транспортировки выкопанных корней.

Стебель женьшеня вверху оканчивается венчиком, из которого выходят ярко-зеленые длинночерешковые пятипальчатые листья и цветоножка. На вершине цветоножки соцветие — прямой зонтик из 20 мелких, но ослепительно красных семян. Мне не терпится посмотреть на корень. Но Сини Дисанович заявляет, что копать пока не будем — соблюдает старые дедовские традиции: выкапывать женьшень лишь к концу корневки. Сделали затесы на стволе кедра и часа через полтора нашли лагерь, откуда мы вышли шесть суток назад. Усталые завалились спать.

— За работу, друзья! — будит нас Борис Андреевич, натягивая олочи — очень удобную таежную обувь, сделанную из цельного куска кабаньей кожи.

Хорошо сейчас корень копать, искать! До Советской власти корень считался священным, потому каждый раз все свободное от корневки время корневщики молились. Ходили громадными партиями — от двадцати и больше человек. Найдут женьшень, накопают — и не рады ему. Донести до дому — дело сложное: на дорогах часто встречали тружеников тайги лихие люди, засада. И прощайся и с корнем и с жизнью.

Солнце уже высоко. Лепешки выпечены. Завтрак съеден. Но мы сидим и ожидаем, пока тайга чуть проветрится. Наконец, мы на месте. Решили искать китайским способом — на заломках. Встали в шеренгу — крайние справа и слева должны делать заломки, чтоб не пропустить ни кустика. Идти очень тяжело. Началась чащоба. Нет-нет да кто-нибудь крикнет: «Пан-цуй!» — и тогда все бегом устремляются на крик. Устали. В четвертом часу Сини Дисанович предлагает выкопать корень:

— Твоя послезавтра езжай. Нужна показ Москва.

Николай выстругал две маленькие палочки, похожие на те, которыми китайцы едят. Сдвинули поваленное дерево. Подходит Сини Дисанович. Осторожно обрезал траву и осторожно начинает палочками оголять шейку корня. Работает, как хирург, быстрыми, уверенными и какими-то ласковыми движениями, очищая корень от земли. Показалась шейка. Оказывается, корень небольшой, третьей категории первого сорта. Для первой категории он слишком молод, да и вес нужен не меньше 100 граммов.

Старик встает, отряхивается и передает палочки Николаю. И тот начинает колдовать. Найти женьшень сложно, но не менее сложно и выкопать его. Ведь если порвешь хоть один волосок, уже брак. Кто-то шутит, что столько ласки и внимания собственной супруге не оказываешь.

Николай окружает корень неглубокой траншеей и, осторожно просовывая пальцы, обрезает корешки других растений, освобождая корешки женьшеня. Работать трудно еще и из-за комарья. Лица у всех в шишках, опухшие. Разведенные дымокуры не в силах разогнать мириады крылатых кровопийц. Дым ест глаза. Таежник — это бесплатный донор. Наконец корень извлечен и, словно чаша, пускается по рукам. А Сини Дисанович, набрав папоротника и мха, садится делать конверт.

Я уже говорил, что Сини Дисанович Дункай и Борис Андреевич Жиденков чуть ли не с детства ищут этот чудо-корень, передавая щедро свой опыт молодым.

И не случайно писатель-натуралист, тигролов Б. А. Жиденков — постоянный внештатный корреспондент Ленинградского ботанического института имени Комарова Академии наук СССР. Советы таких энтузиастов очень помогли Академии наук в создании в Анучинском районе, Приморского края, совхоза «Женьшень». Этот совхоз создан на базе трех колхозов с площадью 5 290 гектаров. Директор совхоза — Владимир Андреевич Юрченко, бывший председатель колхоза.

К концу семилетки будет засажена женьшенем площадь до 300 га. Этот совхоз, единственный в Советском Союзе, будет поставлять женьшень во все медицинские учреждения страны. Учеными разработаны способы, сокращающие срок созревания корня до 5—7 лет вместо 10—15. Доходы совхоза будут исчисляться астрономическими цифрами. Ведь один килограмм женьшеня стоит от трех до пятидесяти тысяч рублей в старом исчислении. Женьшень — это чудо природы. И в отличие от других лекарственных средств он не оказывает каких-либо побочных отрицательных влияний на организм. Он применяется для восстановления работоспособности после тяжелых болезней, для лечения некоторых заболеваний нервной системы, сердечно-сосудистой системы, способствует регуляции пищеварительных процессов и обмена веществ.

Пройдет немного лет, и медицинские учреждения страны получат необходимое количество чудо-корня.

А пока...

У меня в руках конверт с корнем и засушенный стебель с листьями. А перед глазами тайга, веселая, широколиственная, тяжелая Уссурийская тайга. Ночное небо, как черный бархат, нежное на ощупь. Крупные звезды. К утру они становятся холоднее, вечером они теплые, хочется потрогать руками. Все вокруг в светлячках-гнилушках. Такое впечатление, будто небо под ногами. Потрескивает костер, да высоко над ним серебристым вспышками бесшумно проносятся летучие мыши.

Спят мои друзья, уставшие за таежный трудовой день. Завтра — опять колючие кустарники чертова дерева, заросли бересклета, кишмиша, густые, цепкие, как щупальца спрута, лианы лимонника и обрывистые, почти отвесные склоны сопок.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ САВАННУ

Александр СЕРБИН

Закаты в саванне коротки и неярки.

Солнце, весь день пылавшее в сто сорок солнц, выжимавшее из человека влагу до последней капли, наконец-то спряталось за зеленые горы на горизонте. Неширокая полоска неба над ними окрасилась в темно-розовый цвет, лучи солнца, вырвавшись из-за гор, зажгли над головой два бог весть откуда забредших сюда, в чистую африканскую лазурь, маленьких облачка — и вот уже погасли закатные краски, со всех сторон навалилась на дорогу беспросветная тьма.

Все исчезло вокруг: черная, выжженная пожарами земля саванны, и редкие деревья, причудливо изогнувшие свои стволы и ветви, словно застывшие в каком-то странном фантастическом танце, и рыжая, двухметрового роста трава по обочинам.

Фары освещают красную, убегающую под колеса машины дорогу. Красная она потому, что проходит по латериту, богатой окислами железа почве. Пыль на дороге густая, мелкая, как пудра, тоже красного цвета. Мое место у окна, и я знаю, что из-за этой пыли у меня одна половина лица красная, а другая — белая, одна половина рубашки красная, другая — белая. Африка шутит...

Впереди, в придорожных зарослях, от света фар зажегся раскаленным угольком чей-то глаз — то ли зверя, то ли птицы; потянуло дымком от вечерних костров невидимой, но близкой деревушки; прогрохотал под колесами мост через речку, наверное, пересохшую, как обычно пересыхают здесь маленькие реки в эту пору года.

Машина идет сквозь африканскую ночь.

— ...Тогда я закрываю потихонечку дверь поплотнее, иду к жене и говорю ей: «Александра Ивановна, ты только не бойся». А она отвечает: «Я не боюсь». «Нет,— говорю я ей, — ты не бойся, потому что у нас в комнате змея».

Это рассказывает африканские приключения геолог Семен Борисович. Кроме него и меня, пассажиров в нашем «лендровере» несколько: молодая симпатичная женщина, которую зовут Наташа, советские специалисты Леша, балагур и весельчак, и трое его товарищей. Мои попутчики находятся в Гвинее по приглашению гвинейского правительства. Наташа только что из Москвы, едет к мужу, советскому инженеру, который работает в Канкане.

— А змея была ядовитая? — спрашиваем мы у Семена Борисовича.

К его рассказам мы относимся с уважением. Во-первых, потому, что он уже «старожил»: приехал в Гвинею полгода назад. А во-вторых, змеи здесь — штука серьезная. Вновь прибывшим обязательно рассказывают о плюющихся змеях, которые очень точным плевком сначала ослепляют свою жертву, а потом жалят ее. В Киндии, в институте Пастера, где ученые работают над созданием сыворотки против змеиного яда, я видел длинную, как кнут, желто-зеленую змею, которая на языке сусу называется очень выразительно: «Прощай, радость». Укус ее смертелен. Есть змеи, которые живут на деревьях и нападают сверху. Однажды в Гвинее мы, несколько человек, стояли под деревом манго, прячась в его плотной тени. Вдруг наверху в листве зашумело, и что-то тяжело плюхнулось на землю рядом с нами. В ту же секунду под деревом не осталось никого. Наслышанные об историях со змеями, мы с безопасного расстояния стали искать глазами виновницу происшествия. Но вместо змеи мы увидели... большую ящерицу. Оглушенная падением, она недоуменно повертела головой по сторонам и быстро-быстро вскарабкалась по стволу обратно.

— Змея была все-таки ядовитая, — отвечает Семен Борисович. — Это выяснилось, когда сторож убил ее палкой.

Машина мчится сквозь африканскую ночь, мы слушаем рассказы Семена Борисовича, иногда поем, поем русские песни — про березку, про гармошку,— такие, каких саванна, наверное, никогда не слыхала. Спешим. Семена Борисовича и Лешу с товарищами ждет работа, Наташу ждет муж, а меня ждут новые впечатления.

В газетах пишут: «Африканские страны строят новую жизнь». А что это значит?

Прежде всего это значит просто строить. Строить все: школы и жилища, дороги и мосты, рыть оросительные каналы и возводить корпуса больниц.

В Конакри, столице Гвинеи, в интервью корреспонденту «Огонька» президент Гвинейской Республики Секу Туре сказал:

— На нынешнем этапе нашего развития основные проблемы, с которыми мы сталкиваемся,— это проблемы экономические. Сейчас, когда мы стремимся создать наши собственные средства для развития страны, экономическая неразвитость нашего государства дает знать о себе острее всего. Колониальный режим эксплуатировал весь наш народ, иностранное господство наносило ущерб каждому гвинейцу.

Каждому гвинейцу!..

Уже вторые сутки мы едем по саванне и снова тут и там видим черные, выжженные огнем куски земли. Пожары возникают не сами по себе. Это люди огнем очищают землю для посевов. Древний, почти как сам человеческий род, подсечно-огневой способ земледелия. Колонизаторы ничего не сделали для того, чтобы поднять здесь сельское хозяйство. Только разбили кое-где плантации для тех культур, которые вывозились из страны.

Где они, следы «цивилизаторской деятельности», о которой Запад протрубил Африке все уши? Накануне завоевания независимости в Гвинее существовала всего лишь одна больница. Только один из каждых десяти детей в 1957 году мог ходить в школу!

ГВИНЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Учитель.

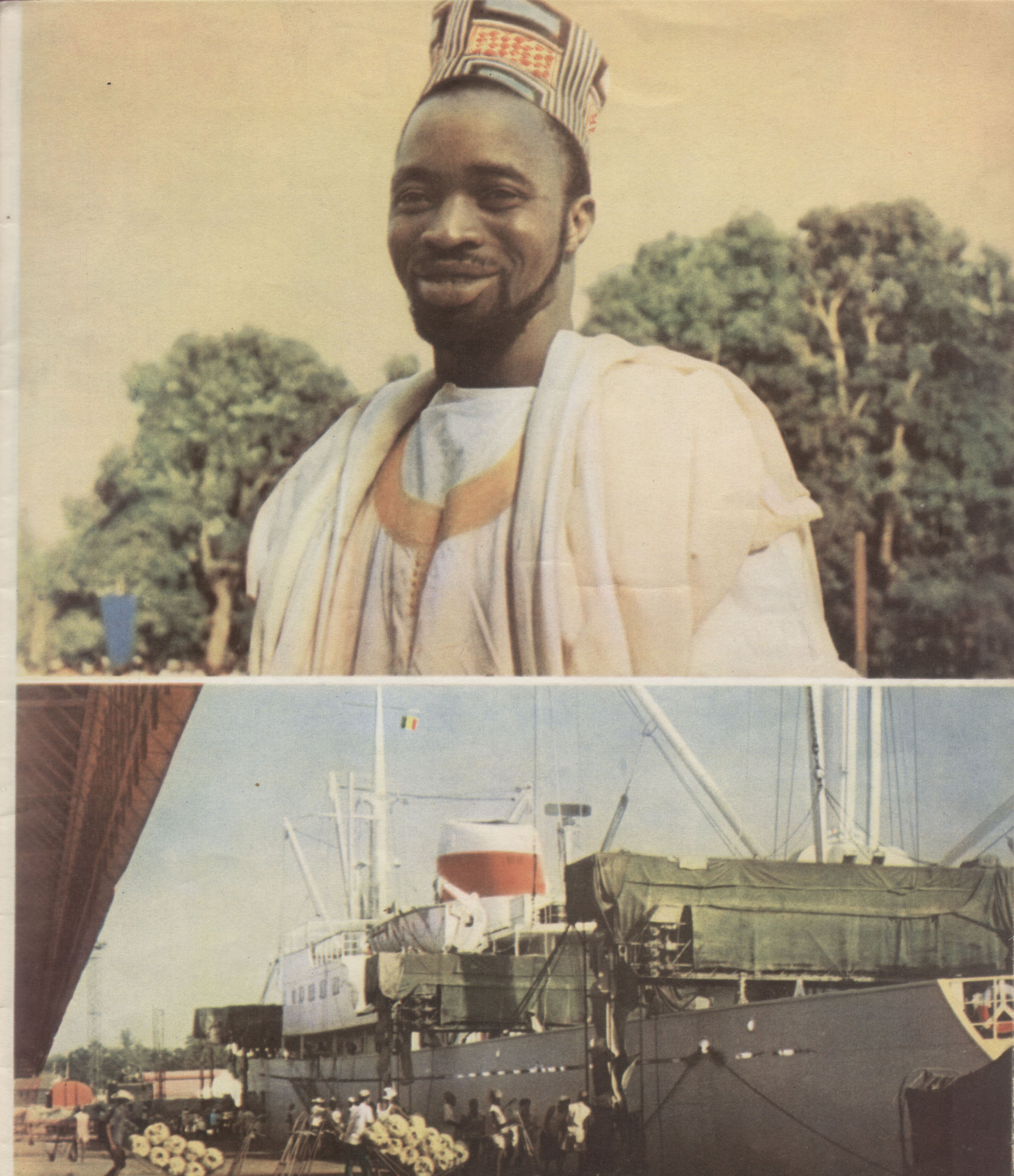
В порту Конакри.

Фото автора.

Мимо окон машины промелькнула деревня. За время дороги этот вид стал уже знаком: круглые глиняные хижины без окон, с нахлобученными конусами травяных крыш, навес, под которым сидят люди, прячась от солнца, женщина с ребенком, привязанным за спиной, толчет что-то большим деревянным пестом в ступе. Так было здесь, наверное, и двадцать, и пятьдесят, и сто лет назад. И сам по себе встает вопрос: на сколько же лет задержал колониализм развитие Африки?!.

В машине тихо. Поклевывает носом Семен Борисович. Приутих, разморенный жарой, весельчак Леша. Хочется пить, но полдюжины бутылок чехословацкого пива, которые мы забрали с собой на последней остановке, давно пусты, и до ближайшего города — часа полтора езды. Я вспоминаю еще одну встречу в Конакри — с руководителем предприятия, которое снабжает гвинейскую столицу водой.

Его звали Диалло Бубакар. На своем посту он находился совсем недавно — каких-нибудь два месяца или того меньше. Раньше это предприятие называлось «Африканской компанией общественных услуг» и принадлежало французам.

У французских хозяев этой компании было неспокойно на душе с тех пор, как Гвинея стала независимой. Компания располагала тридцатилетним контрактом, но ее владельцы чувствовали себя неуверенно. Поэтому денежные авуары компании хранились в сейфах французских банков, хотя по законам Гвинейской Республики они должны были находиться в Гвинее. Поэтому за последние годы не было сделано ничего, чтобы дать больше воды городу, которой ему не хватает. И это несмотря на то, что прибыли компании достигали пятидесяти миллионов франков Западной Африки в год и могли быть использованы для расширения системы водоснабжения. Такую же политику проводила в Гвинее и другая французская компания, которая давала Конакри электричество.

Эта политика была вызовом молодой республике, напоминая, что ключевые позиции экономики находятся в чужих руках. И однажды иностранный капитал, не маскируясь, бросил перчатку. Во время церемонии открытия выставки Китайской Народной Республики в Конакри, в тот самый момент, когда президент Гвинеи произносил речь, погас свет. Поломка в электросети была явной демонстрацией. Правительство Гвинеи сделало выводы: было решено национализировать компании, принадлежавшие французам.

...В день, когда должны были быть подписаны декреты о национализации, в аэропорту Конакри сидели, дожидаясь самолета на Париж, два человека. Они нетерпеливо поглядывали на стрелки часов, ежились, когда кто-нибудь проходил мимо, украдкой, опасливо посматривали по сторонам и снова начинали следить за медленно двигавшимися стрелками. Но диктор все не объявлял посадку на самолет. В тот день двум человекам с портфелями так и не удалось улететь в Париж. Оба они были арестованы. Это были директора компаний, подлежавших национализации. При аресте выяснилось, что они пытались увезти с собой в Париж ценную техническую документацию, касавшуюся их предприятий.

Шумен и ярок рынок в Канкане.

Строят дорогу через саванну.

...Небольшая комнатка на втором этаже была кабинетом руководителя предприятия. Диалло Бубакар сидел за столом, заваленным чертежами и бумагами. Сзади него на стене висела схема водоснабжения города.

После того как Диалло Бубакар рассказал мне историю национализации компании, я спросил у него:

— Вы инженер?

— Да, — ответил он.

— Специалист в области водоснабжения?

— Нет.

— Скажите, вам не бывает трудно?

Диалло засмеялся, сверкнув белыми зубами, в глазах зажглись веселые огоньки.

— В жизни всегда бывает так, что приходится чему-нибудь учиться заново. И я еще не стар для этого.

И, положив на стол ладонь, словно поставив точку в своем ответе, принялся подробно рассказывать о том, как намечено перестроить систему снабжения столицы водой, чтобы ее хватило каждому жителю; и о том, что уже сейчас, несмотря на сухой сезон, они всегда дают воду в уличные колонки, а раньше в это время французы подавали воду прежде всего в дома, где есть водопровод; и о том, что начаты работы, цель которых — обеспечить водой все города Нижней Гвинеи; и еще о том, что им помогают болгарские специалисты, а также специалисты из Советского Союза.

— У нас много проблем. И решать их надо быстро. Очень быстро.

В нашей машине снова шумно и весело.

Во-первых, близится к концу путешествие. А во-вторых, снова ожил Леша. Вот сейчас он уговаривает Наташу, которая слегка и очень мило картавит, брать у него уроки произношения.

— Наташенька, ты же в Африке. Здесь даже львы — и те умеют говорить букву «р». Это же самая главная буква в их алфавите. Как же ты будешь разговаривать с ними при встрече? Ну-ка, повторяй за мной: «На двор-р-ре тр-р-рава, на тр-р-раве др-р-рова...»

Все смеются, и Наташа тоже.

Я не знаю, как выглядели те французские специалисты, которые пытались удрать из Гвинеи вместе с документами. А вот советский специалист Леша выглядит так: у него вихрастая голова, озорные глаза, розовый, облезший от солнца нос. Ему еще нет тридцати. Он мой земляк, москвич. Родился и вырос на Арбате. Биография у него простая и суровая, похожая на тысячи других биографий его сверстников. Отец погиб на фронте. В школе Алексей не доучился, пришлось делать это позже. Профессия топографа провела его по всей стране: работал он в Сибири и на Урале, таскал теодолит по пескам Средней Азии и по донским степям, оставил свои следы на дне Куйбышевского моря. Сюда приехал после того, как год находился в Сирии, помогая сирийцам строить оросительную систему.

— Вот там жара так жара,— говорит он, подмигивая, и вытирает со лба пот клетчатым платком.— А здесь что, здесь работать можно...

Последние километры пути.

Скоро Канкан.

На железнодорожной станции в Канкане у меня произошла еще одна встреча с «соотечественниками». Это были тракторы советского производства, доставленные сюда из Конакри. Они стояли на платформах, новенькие, с иголочки, сверкая краской, а вокруг ходили люди — наши, советские, и гвинейцы, о чем-то переговаривались, к чему-то примерялись, подкладывали под тракторные колеса доски, прицепляли тросы. Оказалось, что кран для разгрузки в Канкане был маленьким и слабеньким, ему было не под силу снять с платформ тяжелых красавцев. Наконец «техническая проблема» была решена, тракторы медленно сползли на землю, зафыркали, закрутили колесами и поехали по тенистой улице, обсаженной толстенными манговыми деревьями. Регулировщик на перекрестке, стоявший на высокой деревянной тумбе, приветственно взмахнул рукой и дал им дорогу.

В Канкане мы простились с Наташей. Леша сказал:

— Не забывай: «На тр-р-раве др-р-рова...»

И мы поехали дальше, в деревню, которая находилась километрах в ста от Канкана, где должны были работать Леша и его друзья и где уже жили наши геологи.

Они жили в хижинах, таких же, как и у гвинейских крестьян. Одна из хижин, самая большая, служила «кают-компанией». Здесь наши специалисты собирались по утрам и вечерам за общим столом, здесь же стоял и керосиновый холодильник — главное сокровище, ценность которого, впрочем, несколько снижалась потому, что он никак не мог охладить воду ниже десяти градусов тепла.

Развлечений было немного. Иногда на портативном приемнике удавалось сквозь треск эфира поймать Москву. Порой вечерами молодежь в деревне устраивала танцы. При свете костра в такт ударам тамтама молниями метались черные тела, и это бывало великолепным зрелищем. Не обходилось без приключений. Один из специалистов ехал ночью на машине и в темноте переехал... удава. Последним крупным событием местного значения была поимка скорпиона. Незваный и опасный гость был пойман и понес наказание. Леша не проявил к этому событию никакого интереса: «этих скорпионов» он навидался в Средней Азии. Равнодушно взглянув на него, он поинтересовался, бывает ли пиво в деревенском магазине, и пошел, успокоенный, осматривать отведенное ему место ночлега.

Мы привезли с собой письма. Их ждали. Молодежь торопилась распечатать конверты, и каждый с головой уходил в письмо. Письма были явно предназначены для интимного чтения. Люди постарше читали весточки из дома, не торопясь, обмениваясь друг с другом новостями. Одному писем не досталось. Кто был виноват в этом, неизвестно. Но у парня был убитый вид. Он хмуро отошел в сторонку переживать свое горе. Хотелось немедленно крикнуть всем, от кого ждут писем: «Пишите, пишите чаще, пишите из Киева, Москвы, Тбилиси, отовсюду, откуда люди уезжают в дальние страны. Ваших писем так ждут! И люди, которые их ждут, заслужили их. Они делают хорошие дела».

Леша был прав, когда говорил, что работать здесь можно. И труд приносит тут людям главное — удовлетворение. Один из гвинейцев, с которым я разговаривал в Канкане — его звали Нпе Траоре, и он работал вместе с советскими специалистами,— сказал мне так:

— У нас очень большое доверие к вашим специалистам. Мы знаем, что им бывает нелегко: новые условия, климат, не похожий на ваш. Но они понимают, как нам нужна помощь. Наши советские друзья делают все, чтобы помочь нам, и высоко держат авторитет вашей страны. Мы многому научимся у них.

...На следующее утро после приезда в деревню я поехал посмотреть строительство новой дороги в саванне. Во время дождей, когда реки выходят из берегов, старую дорогу заливает водой, и эта местность становится отрезанной от других частей страны. Вместе со мной поехал инженер Павел Дмитриевич, который помогал гвинейцам прокладывать новую дорогу, и переводчик Толя, которого здесь звали на французский лад — «энтерпрет». Главным удовольствием для Толи было пожелать встречным доброго утра на их родном языке, и мы то и дело слышали:

— Инисогома!

А в ответ сверкала улыбка и раздавалось:

— М'ба!

Это означало пожелание счастья.

Дороги как таковой еще не было. Была просека, прорубленная через саванну. Наш «газик» спотыкался о пни, о термитники, а когда нам попадалось под колеса старое поле, на котором когда-то сажали маниок, то поездка становилась похожей на путешествие по бурному морю, и было непонятно, почему никто из нас еще не заболел морской болезнью.

Наконец впереди мы увидели людей. Их было человек пятьдесят. Узкими топорами на длинных топорищах они ловко и сноровисто рубили редкие деревья саванны, оттаскивали их в сторону и шли дальше.

— Это рабочие-дорожники? — спросил я у сопровождавшего нас гвинейца Траоре Кеуле.

— Не все,— ответил он.— Наверное, половина из тех, кто здесь работает,— жители окрестных деревень. Они пришли сюда добровольно — помочь строить дорогу. Ведь она строится для них.

Внешний вид гвинейской деревни остался тот же, но произошли другие, гораздо более важные изменения. Изменились люди. Раньше, под гнетом колониализма, такой добровольный труд был невозможен. Теперь все глубже и глубже проникает в сознание мысль, что человек — хозяин своей страны. И эта мысль будет менять и землю, и людей, и внешний вид деревень.

— Посмотрите, как красиво! — сказал вдруг Павел Дмитриевич, показывая вперед.

Я посмотрел, ничего не увидел и вопросительно взглянул на него.

— Красиво! — повторил он.— Прямая, как стрелочка.

И тут я понял, что он имеет в виду дорогу. Она действительно была очень прямая. В Павле Дмитриевиче говорила, наверное, профессиональная гордость. Но и в самом деле это было красиво — оставить такой широкий и такой прямой след своего труда.

Когда я возвращался в Конакри, меня застал в дороге дождь. В это время идут короткие дожди, которые называют здесь манговыми. Говорят, что после них плоды манго бывают особенно вкусными. Кончался сухой сезон. Вокруг лежала все та же сухая, выгоревшая саванна. Но я знал, что в период дождей сразу полезет свежая трава, все распустится вокруг и вся Африка будет зеленой.

Вся Африка!..

«СОКОЛ» И «БЕРКУТ» УХОДЯТ В КОСМОС...

Решение Государственной комиссии

Рано утром, когда экипаж «Востока-3» еще и не начинал трудового дня, Главный Конструктор, как всегда, бодрый и свежий, занял свое место за длинным столом рядом с членами Государственной комиссии. Заседание происходило в домике, расположенном недалеко от стартового устройства. Строгая, деловая обстановка. Никто не курит. В распахнутое окно видны фермы обслуживания, прикрывающие устремленный в небо корпус ракеты.

Точно в назначенное время — секунда в секунду Председатель Государственной комиссии открывает заседание. Докладывают специалисты. То и дело слышится: «Подтверждаю готовность агрегатов к работе». Наконец звучит чуточку глуховатый голос Главного Конструктора:

— Замечаний нет. Ракета-носитель и космический корабль «Восток-3» к полету готовы!

— Есть ли вопросы? — спрашивает председатель.

Да, есть! Теоретика Космонавтики и некоторых других товарищей интересует физическое и моральное состояние Космонавта-3 и его дублера. Исчерпывающий ответ дает представитель космической медицины. Оба товарища спали замечательно, никаких отклонений от обычных норм в организмах космонавтов не отмечено. Сидящие в зале Юрий Гагарин и Герман Титов, довольные, переглядываются между собой.

До побачення на орбіте!

Выходим на стартовую площадку, к ракете. У всех, кто находится здесь,— нарукавные повязки разного цвета. Они означают разрешение быть на стартовой площадке до точно определенного времени стартовой готовности ракеты. Получаем такие повязки и мы, журналисты. У лифта, ведущего к космическому кораблю, Андрияна Николаева уже ждут — ждут Председатель Государственной комиссии, Главный Конструктор, Теоретик Космонавтики, ученые, специалисты.

Торжественно звучит рапорт о готовности к полету. Наступают волнующие минуты прощания с товарищами, остающимися на Земле. Последним целует Андрияна его друг Павел.

— До побачення на орбіте!— весело говорит Попович.

А как в эти минуты чувствует себя дублер Николаева? Он в автобусе. На нем такой же ярко-оранжевый скафандр и гермошлем. Рядом с ним врач Андрей Викторович. Дублер полностью готов в любую минуту, если потребуется, заменить А. Николаева в кабине космического корабля. Но он всем своим видом и шутливыми просьбами поскорее снять с него «космическую робу» дает понять:

— Все идет отлично, замены не потребуется!

Однако порядок есть порядок, и напарнику Космонавта-3 надлежит еще некоторое время пробыть в полной готовности, не снимая с себя «космических доспехов».

Забегает в автобус Павел Попович. Как всегда, оживленный, в молодцевато, чуточку набок сбитой фуражке. Космонавты угощают нас вишневым соком. Поочередно прикладываясь к тубе, вместе с ними распиваем сок за здоровье Андрияна.

— Вроде как бы «посошок» на дорожку,— шутит Павел Попович.

— Товарищи, а знаете, какой сюрприз мы устроили Андрияну? — озорно блестя глазами, спрашивает дублер.

— Сюрприз? Какой же?..

— Мы ему в бортжурнал потихоньку вложили таблицу с путевыми знаками... И шутейные надписи на них сделали...

Это было действительно так. Позже Николаев рассказывал нам:

— На одном из витков, когда я вел записи в бортжурнале, вдруг обнаруживаю таблицу дорожных знаков и шутливые советы друзей. Сразу потеплело на душе...

Тогда же мы узнали еще об одном сувенире, «вернувшемся» из космоса. Нам показали миниатюрную матрешку в национальном чувашском костюме — один из конструкторов перед самым стартом украдкой положил ее в карман скафандра Космонавта-3. На каком-то витке Николаев был приятно удивлен, обнаружив свою «землячку» в кармане.

Исторические жетоны

Цвет наших нарукавных повязок напомнил, что пора покидать стартовую площадку: до полной готовности ракеты к пуску остается немного времени. У выхода на шоссе — большая доска с жетонами, на которых выбиты номера, присвоенные каждому, кто работает на стартовой площадке. Входишь на площадку — повесь свой жетон на поле того цвета, что и твоя нарукавная повязка, под твой номер. Уходишь — сними жетон с гвоздика и повесь на общую табельную доску. Таков строгий закон космодрома. Делается это для того, чтобы дежурный всегда мог знать, где находятся сейчас специалисты — на стартовой площадке или вне ее.

Близ ракеты осталось совсем немного людей. У них нарукавные повязки красного цвета. Сейчас на доске с красным полем считанные жетоны. Дежурный говорит нам:

— Когда стартовая готовность будет исчисляться всего лишь несколькими минутами и все уйдут в укрытие, на доске останется лишь один жетон.

— Чей? — спрашиваем мы.

— Андрияна Николаева.

— Какой же из жетонов «космический»?

— Вот этот...

На память о космонавте, который через несколько минут ринется на штурм Вселенной, дежурный уже написал на жетоне: «Андриян Николаев. 11 августа 1962 года». Когда «Восток-3» выйдет на орбиту, жетон будет снят с красного поля, и дежурная служба сохранит его в качестве сувенира так же, как хранит она жетоны Юрия Гагарина и Германа Титова, как будет хранить и жетон стартующего завтра Павла Поповича.

«Сокол» уходит в космос

Направляемся к степному пригорку, на наблюдательный пункт. Здесь уже собралось немало специалистов. Из репродуктора слышатся команды, подаваемые Техническим руководителем. Готовность 10 минут... 5 минут... Четко вырисовывается на фоне голубого неба освобожденный от ферм обслуживания серебристо-серый корпус ракеты. Все взоры сейчас прикованы к ней.

В тишине отчетливо звучат последние предстартовые команды. С наблюдательного пункта хорошо видно, как под могучим корпусом ракеты возникает пламя. Оно все разрастается и разрастается...

— Двигатели включены, работают отлично.

— Подъем!

Ракета медленно приподнимается над стартовым устройством, на какое-то мгновение как бы зависает в воздухе и, набирая скорость, идет ввысь.

И вот уже в синеве неба окончательно растаяло легкое облачко инверсионного следа, оставленного ракетой. «Сокол» сообщил, что видит Землю, что у него все в порядке, что корабль вышел на орбиту. Новый космический полет начался!

«Ласточка» Павла Поповича

А на космодроме готовятся к новому старту. Возле ракеты традиционная встреча стартовой команды с тем, кто завтра полетит в космос,— с Павлом Поповичем и его дублером.

Летчик-истребитель Павел Попович у себя в полку свой самолет ласково называл «Ласточкой». Вот и сейчас он называет свой могучий корабль все так же — «Ласточка». Космонавт любовно погладил рукой серебристо-серый металл, на какое-то мгновение прижался к нему щекой, словно вслушиваясь в биение пульса корабля. Всех растрогали простые и сердечные слова Поповича: «Я верю: «Ласточка» не подведет».

В «домике космонавтов» уже все готово к приезду новых жильцов — Павла Поповича и его дублера. Политработник Николай Федорович позаботился, между прочим, и о том, чтобы в комнате, отведенной для отдыха, появились не только свежие цветы, но и портрет нового космонавта — Андрияна Николаева.

С оперативного пункта управления то и дело прибегают Юрий Гагарин и Герман Титов, сообщая «последние новости» с орбиты:

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Редакция журнала «Огонек» попросила журналистов Караганды Игоря Казанцева и Евгения Мехаева встретиться с людьми, первыми увидевшими космонавтов Андрияна Николаева и Павла Поповича после их приземления.

ДМИТРИЙ МОР, строитель автобазы.

Мне и сослуживцу по работе Шаймухамеду Усабаеву выпало счастье одним из первых встретить Андрияна Николаева.

В ожидании самолета мы сидели с другими пассажирами за поселком. Разговор шел, конечно, о космосе.

Все слышали сообщение ТАСС о посадке. И вдруг появился вертолет, опустился, и из него вышел Андриян Николаев. Знакомое по портретам в газетах лицо. В первые мгновения все растерялись, но тут же бросились к космонавту. Жив, здоров, стоит и улыбается.

Кто «Ура космонавту!» кричит, кто смеется и плачет от радости и счастья. Здесь же сразу в первые минуты появились цветы.

Конечно, вопросы.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично! — отвечает космонавт.

И прямо как-то не верится, что человек пробыл почти четверо суток в таком дальнем и трудном полете, настолько бодро выглядит он, только что ступивший на родную землю.

— Могли бы вы дольше летать в космосе?

— Сколько угодно. Но программа научных наблюдений была полностью выполнена и получена команда о спуске,— с улыбкой говорит нам космонавт.

— Скажите, почему вы не женаты? — спрашивает девушка-казашка.

— На земле не успел, а в космосе невест пока нет,— смеется Андриян Григорьевич.

Старик казах со слезами на глазах обнимает космонавта.

— Спасибо, сынок, рахмет!

— Вам, отец, спасибо,— отвечает Николаев. Бережно обнимает старика за плечи: — Давайте сфотографируемся на память.

Это была первая земная фотография космонавта.

Нам с Усабаевым посчастливилось получить первыми автографы космонавта. Достаю паспорт, протягиваю:

— Андриян Григорьевич, дайте, пожалуйста, автограф!

Бережно прячу паспорт, ставший реликвией. А космонавту уже протягивает шоферские права Усабаев.

— Ну, теперь автоинспекции не попадайтесь,— смеется космонавт,— отберут: испорчены права.

— Ничего, такое нарушение можно простить. А других у меня нет.— Усабаев показывает на значок «Отличный шофер».

...Не хотелось, чтобы был конец у этой встречи. Но что делать? Андриян Григорьевич уже входит в самолет, чтобы лететь в Караганду.

ВАСИЛИЙ ЖОВНЕР, шофер.

К раскрытым дверцам «Волги», на которой я работаю, подходят Андриян Григорьевич и Павел Романович. Стараюсь быть спокойным, но не получается. Космонавты садятся в машину, здороваются. Вместе с ними в машине первый секретарь обкома партии М. С. Соломенцев.

Едем к дому, где будут отдыхать небесные братья. Внимательно слежу за дорогой. Но так хочется взглянуть на них, а оборачиваться нельзя. Ура, есть выход! Навожу зеркальце. Теперь могу видеть космонавтов.

Друзья оживленно переговариваются. Выглядят жизнерадостными, как будто и не ощущают ни малейшей усталости. Люди-кремни. Вот молодцы!

Космонавты смотрят на улицы, дома Караганды. На повороте к Бульвару Мира дорога изрыта: проводится теплотрасса. Переключаю скорость, веду машину медленнее. Проходит группа девушек. Они видят в машине космонавтов. И вот уже бегут по тротуару, радостно кричат, машут руками.

Андриян только что беседовал по радиотелефону с товарищем Н. С. Хрущевым... Андриян освобождался от привязной системы, выходил из кресла и «плавал» по кабине... У Андрияна прекрасный аппетит...

И вот настал день старта «Востока-4».

День этот, как и вчерашний, начался с заседания Государственной комиссии. Снова Главный Конструктор — Технический руководитель полета — сообщает, что никаких замечаний у него нет. Он, как и вчера, как и все эти дни, несмотря на огромную загруженность работой, удивительно свеж и бодр. Откуда только берутся силы у этого поистине железного человека!

Точно по графику к ракете вновь подкатил голубой автобус. Из открытых его окон слышится песня: «Меня мое сердце в чудесную даль зовет!»

Поет человек, который скоро улетит в эту чудесную даль,— поет Павел Попович.

По-своему неповторимы предстартовые минуты каждого нового полета в космос. Мы стоим у самой ракеты, рядом с Германом Титовым, смотрим, как Павел Попович легко поднимается по ступенькам к кабине лифта. Перед тем, как войти в нее, он, по традиции, еще раз поворачивается лицом к провожающим и, приветственно взмахнув обеими руками, говорит:

— По народному обычаю, земной поклон вам, друзья, и сердечное спасибо. «Ласточка» понесет меня в космос. Я верю и знаю: все будет хорошо. До скорой встречи!

Как и вчера, заходим в автобус навестить дублера. Он весел, у него отличное настроение.

— У них всё одинаковое,— говорит врач Андрей Викторович.— И настроение и состояние организма. У них, как у братьев-близнецов: у обоих пульс — 56, температура — 36,1, частота дыхания — 10, давление крови — 110/65.

Нас опять угощают «космическим напитком» из тубы, на сей раз не вишневым, а черносмородинным соком и ломтиками лимона.

...Спешим на наблюдательный пункт. Уже объявлена минутная готовность: Главный Конструктор дает последние напутствия космонавту.

— Подъем!

— Поехали! — слышится голос Павла Поповича.

В вихре пламени, оставляя на степной земле клубы дыма, ракета, кажущаяся отсюда, с земли, огненным клинком, стремительно врезается в синее небо.

Никто не уходит с наблюдательного пункта. Все ждут: вот-вот донесется оттуда весть о встрече в заданном космическом районе двух кораблей — «Восток-3» и «Восток-4». И она произошла именно так и именно в том месте, где это было задумано.

Первый в мире групповой полет космических кораблей начался!

А вскоре на космодроме всем стало известно: Никита Сергеевич Хрущев звонил Председателю Государственной комиссии и поздравлял с замечательным достижением отечественной науки и техники весь коллектив создателей советских космических кораблей, наших космонавтов, всех тех, кто подготовил совместный групповой полет «Востока-3» и «Востока-4».

На оперативном пункте

Теперь мы, журналисты, большую часть времени проводим на оперативном пункте Государственной комиссии по руководству групповым полетом А. Николаева и П. Поповича. За «Соколом» и «Беркутом» круглые сутки следят специалисты. Дежурят по сменам. В каждую смену включены космонавты Юрий Гагарин, Герман Титов, Космонавт-5 и Космонавт-6 — дублеры командиров «Востока-3» и «Востока-4».

Проекции близких друг к другу орбит, по которым стремительно движутся космические корабли, нанесены на большую географическую карту Мира. На одной из них флажками отмечается фактическое положение в космосе каждого корабля. Такие же отметки делаются на специальных схемах, развернутых на большом столе. Возле них все время оживленно. Специалисты то и дело подходят сюда, чтобы узнать у дежурных точные координаты «Востока-3» и «Востока-4».

Над радиопереговорными устройствами — большая таблица позывных космонавтов — «Сокол» и «Беркут» — и ряда станций, которые ведут наблюдение за групповым полетом из различных районов Советского Союза. Тут же телевизионное устройство, на экранах которого можно увидеть Андрияна Николаева и Павла Поповича. То и дело слышатся доносящиеся из космоса их бодрые, полные уверенности голоса. Специалисты дежурной смены удовлетворенно переглядываются: на бортах «Востока-3» и «Востока-4» все идет хорошо, по плану. На почасовых графиках работы космонавтов появляется еще одна отметка: «Выполнено». В соседней комнате, просторной и светлой, непрерывно дежурят члены Государственной комиссии. Тут почти всегда можно застать и Председателя Государственной комиссии, и Главного Конструктора, и Теоретика Космонавтики, и других ученых. Государственная комиссия связана с другими пунктами управления групповым космическим полетом, со штабом встречи космических кораблей, со многими узлами связи, с координационно-вычислительным центром. Все вопросы, возникающие по ходу полета, решаются быстро.

На оперативном пункте бывают моменты, когда пустеет и этот кабинет. Все, кто может на несколько минут оставить свое рабочее место, стараются быть поближе к устройству, транслирующему радиопереговоры космонавтов с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

О своих наблюдениях в космосе, о выполненных заданиях, предусмотренных программой полета, А. Николаев и П. Попович сообщали на Землю. Все радиопереговоры по каналам «Земля — Космос», «Космос — Земля» и впервые в мире «задействованному», как говорят связисты, радиоканалу «Космос — Космос» фиксировались на магнитофонную пленку. Эта уникальная магнитофонная запись явится увлекательнейшим рассказом о небывалом в истории групповом полете в космосе, послужит источником многих научных исследований.

Впереди — Москва!

Когда стал приближаться заключительный этап полета «Востока-3» и «Востока-4», мы вместе с группой специалистов, вместе с Германом Титовым и врачами вылетели на командный пункт штаба встречи космонавтов. Блестяще выполнив поставленные перед ними сложные задачи, Андриян Николаев и Павел Попович так же блестяще приземлились в заданном районе Советской страны, южнее города Караганды.

...Первые интервью. Рассказывают сдержанный Андриян Николаев и пылкий Павел Попович. Мы узнаем, что человек может длительное время спокойно работать в условиях невесомости, в свободном, так называемом «плавающем», или, вернее, парящем, положении; что Луна выглядит в космосе ярким шаром; что на подзвездных орбитах вкусна самая обычная земная пища...

Сразу и не перечислишь всего того, что подметили, что испытали за дни штурма Вселенной.

...И, наконец, настал долгожданный час — Андриян Николаев и Павел Попович летят в Москву. Мы летим вместе с ними. На борт самолета «ИЛ-18» № 75823 непрерывно поступают приветственные радиограммы. Экипаж самолета поздравляет знатных коллег с Днем Воздушного Флота. Необычайная пресс-конференция на высоте 6 тысяч метров. Снова расспросы. Павел Попович, любитель шуток, демонстрирует нам, как человек плавает в невесомости. А потом он идет в кабину к летчикам. «Ну-ка, братцы, разрешите. Я ведь еще не разучился держать штурвал самолета...»

Небесные братья, готовясь к встрече с Москвой, пожалуй, волнуются больше, чем перед стартом в космос — так по крайней мере оба они утверждают. Каждый из нас старается дать какой-то совет, кто-то придирчиво оглядывает новенькие мундиры майора и подполковника: все ли тут как положено по уставу? Я вспоминаю при этом, что у Юрия Гагарина в самый торжественный момент, когда он, чеканя шаг, шел по легендарной красной дорожке от самолета к трибуне, развязались шнурки на ботинках.

И Николаев тут же спешно начинает проверять шнурки на своих ботинках.

— И этот Юрин опыт надо учитывать,— улыбается он.

А Попович, большой любитель вокального искусства и знаток всех профессиональных таинств в этой области, попросил у стюардессы сырых яиц.

— Голос что-то сел... А ведь мне держать отчет перед всем народом...

Почетные члены экипажа дают автографы, завтракают, готовятся к рапорту Никите Сергеевичу Хрущеву...

А внизу — Земля, Москва, народ, взрастивший героев.

— Смотри, узнали нас,— с улыбкой говорит Попович Николаеву.

Выезжаем на асфальт Бульвара Мира, прибавляю скорость.

М. С. Соломенцев рассказывает космонавтам о нашем городе, многонациональной семье карагандинцев. Я родился на Полтавщине. Молчу, но про себя очень горжусь, что я земляк одного из космонавтов. А Михаил Сергеевич вдруг говорит об этом вслух. Мне становится даже как-то не по себе от радости, когда Павел Романович говорит мне весело:

— Хай живе радянська Украина, земляк!

...На другой день я отвозил космонавтов в аэропорт.

...Ранним утром в машине жду самых дорогих пассажиров. Дом окружили люди с букетами. Неведомо откуда знают, какая «Волга» повезет космонавтов. Просят меня:

— Вези, пожалуйста, потише!

Каждому карагандинцу также хочется запечатлеть в памяти их образ. В открытые окна машины летят цветы — приветствия друзей.

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВА, работница столовой.

— Еще утром в нашей столовой побывал Герман Степанович Титов. Я как-то не смотрела на него, а то бы узнала, конечно, сразу. Поел он.

— Благодарю,— говорит,— принесите, пожалуйста, книгу пожеланий.

Принесла ему, а сама думаю: что же не понравилось посетителю? Он ушел, а я сразу за книгу. Читаю: «По поручению товарищей и от себя лично благодарю Вас, товарищ Андреева, за быстрое и хорошее обслуживание, за вкусный завтрак. Титов».

Я только ахнула. Как в тумане хожу. А тут вдруг мне говорят: «Готовьтесь, придут к нам в столовую космонавты, прибывшие только что на Землю». Что же делать? И часа нет в твоем распоряжении. Как уж сервировали мы стол, даже рассказать не могу. Очень все волновались: шутка ли, кормить космонавтов!

Но все обошлось хорошо. После каждого блюда Павел Романович и Андриян Григорьевич говорили: «Спасибо! Вкусно!» Ели они с аппетитом.

В книге пожеланий появилась у нас самая дорогая запись:

«Большое спасибо всему коллективу за вкусный обед, за отличное обслуживание и особенно за вкусные щи. Космонавты Попович, Николаев».

ГРИГОРИЙ ДЕНИСОВ, тренер футбольной команды.

— Когда мы вернулись с товарищеского матча, нас ожидала в гостинице ошеломляющая новость.

— Здесь Герман Степанович Титов! А скоро приедут Андриян Григорьевич Николаев и Павел Романович Попович!

Герои космоса и земли будут с нами, футболистами, под одной крышей. Мы увидим их. Это здорово!

...И вот крепкая фигура, Павла Романовича. На открытом, живом лице радость. Мы приветствуем космонавта.

— Здравствуйте, ребята! Извините, завтра поговорим,— отвечает Павел Романович.

...Утром мы встретились на улице.

— Доброе утро,— приветствовал нас Павел Романович.

Все — и Герман Степанович, и Андриян Григорьевич, и Павел Романович — с каждым из нас знакомятся и крепко пожимают руки.

— Как ваше самочувствие, Павел Романович? — спрашивает у космонавта наш защитник А. Полосин.

— Как? Да просто здорово себя чувствую,— отвечает Павел Романович.

Фотографируемся на память. Вся команда, счастливая от предстоящего случая, собралась, уступая место Николаеву и Поповичу впереди.

— Да ну его! — в шутку бросает Павел Романович и тут же Андрияну Григорьевичу: — Ты мне в космосе надоел, когда мы были рядом...

Космонавтов ждут машины. Последние рукопожатия, слова приветствия и прощания.

— Всего вам счастливого ребята! В класс «А» переходите! — Павел Романович весело подмигивает нам.

— Счастливого пути! — еще и еще раз повторяем мы на прощание.

Легендарные дни

Педер ХУЗАНГАЙ, народный поэт Чувашии

I

Жар-птицей летите!..
Михаил Сеспель

Добрый путь, чувашский Сокол,
Украинский Беркут!
Высоко́ же, ой высоко! —
Все легенды меркнут!

Вы взметнулись, как жар-птица,
В солнечные дали.
Хорошо ль вдвоем летится?
Что на сон читали?

Мать не спит над Волгой где-то,
Над Днепром — другая.
Не смыкают глаз поэты,
Вам стихи слагая.

Но какими мне словами
Выразить все чувства?
Беден я в сравненье с вами,
Как это ни грустно...

Верю, вас Отчизна встретит
В заданном районе.
Пусть хотя бы строки эти
Вас в пути догонят.

А со мной, как голос крови,
Будет чувство долга...
Здравствуй, Беркут Приднепровья,
Здравствуй, Сокол Волги!

14 августа

II

Есть дни такого просветленья,
Когда слова «вражда» и «месть»
Постыдны, словно преступленье,
Я не могу их произнесть.

...Четыре дня, четыре ночи
Я слушал музыку вершин.
Кровь в сердце все еще клокочет,
Как будто подвиг сам свершил.

К их мужеству дерзанья, к
счастью
Открытья, полному тревог,
Мне кажется, и я причастен
С бессонницей вот этих строк.

Взлетели с Лермонтовым в небо
И со священным словом «мать».
Им на планете нашей мне бы
Одно хотелось пожелать:

Влюбленным в звездный мир
и солнце
Всей силою земных страстей,
Пусть никогда им не придется
Стрелять в людей!

15 августа
Гагра (по телефону).

Пісня про славних соколів

Терень МАСЕНКО

Слава мужньому, упертому —
Хто нас доблестю зігрів!
Слава Третьому й Четвертому! —
Ширше круг богатирів!

Вся Земля до зір повернена,
На долонях піднялá
Подвиг Юрія і Германа,
Андріяна і Павлá.

Ми не будем жити поночі,
Як жили віки старі.
Ніколаєва й Поповича
Засвітились дві зорі!

Слави путь ми далі стелемо,
Бо мета і шлях один!
Із розквітлими Шоршелами
Квітне в честі наш Узин.

Слава ж батькові і матері,
Що родили тих синів!
Десь на дальньому екваторі
Чують люди голос днів.

Сила є у слави в голосі!
Колос — дужий на стеблі.
Хто сильніший нині в космосі,
Той могутній на Землі!

Тож клепавсь молотобійцями
Кожен гвинтик в кораблі.
Комуністи йдуть гвардійцями
В мирнім розквіті Землі.

За братами, світу милими,
Наші линули серця:
Спорядила Мати крилами
І вела їх до кінця!

Земле, зорями озернена,
Дорога і люба нам!
Ти ж дала тріумф повернення
Нашим соколам-орлам!

Далі — силами сукупними
Нові витязі ростуть!
Слава першим — із наступними,
Що до зір торують путь!

Киев (по телеграфу).

У ИС

Ник. КРУЖКОВ

В дореволюционной Калуге на Плац-Парадной площади стоял двухэтажный особняк, принадлежавший богатой купчихе Рыжичкиной. Отдавая богу душу, купчиха распорядилась дом передать городу для музея, взамен чего городская управа обязывалась устроить богадельню для кошек купчихи — кошек у нее было великое множество.

Вот в этом купеческом особняке, в котором вскоре действительно открылся музей, и находился странный предмет сигаровидной формы, сделанный из гофрированной жести. Жестяная сигара величиной примерно в полтора человеческих роста стояла в углу большой комнаты и ничем не привлекала к себе внимание редких посетителей. Впрочем, нам, тогдашним гимназистам, было известно, что этот загадочный предмет является моделью той машины, на которой преподаватель математики Калужского епархиального женского училища Константин Эдуардович Циолковский «собирается лететь на Марс». Именно на Марс, а не на Луну. В ту пору лучшие умы человечества, а следовательно, и гимназисты, были твердо убеждены, что Марс населен разумными существами, что так называемые марсианские каналы — дело их рук и что, конечно, ежели уж лететь, то не иначе, как на Марс.

«Собирается лететь на Марс!» Вот, пожалуй, и все, что знало о своем великом земляке большинство жителей маленького губернского города. Зная, что Циолковский «собирается лететь на Марс», обыватели при виде пожилого человека в неизменном плаще-крылатке, медленно идущего по улице, стучали себя пальцем по лбу и говорили между собой, что у учителя «не все дома». Циолковский был слишком велик для дореволюционной Калуги, и жил он значительно впереди своего века.

Примерно к 1920 году относится мое личное знакомство с ним. Циолковский очень любил молодежь, и в его садике при маленьком, покосившемся домике на Коровинской улице частенько собирались молодые люди поговорить о разных материях. Знали ли мы тогда, с кем разговариваем? Кто этот человек с седой бородой, с глуховатым голосом, с живыми глазами, взгляд которых, казалось, проникал в душу собеседника. Нет, не знали, мы только начинали догадываться, нас тянуло к нему то необычное, что было заключено в нем, в его мыслях, казавшихся несбыточными мечтаниями. То, что его мечтания станут реальностью и мы эту реальность увидим, нам тогда и в голову не приходило.

Можно с полным правом сказать, что если бы не было Великого Октября, мир не знал бы Циолковского. Более того: сам Циолковский не заметил бы мировой важности всего сделанного им, ибо все это оказалось бы погребенным в тине, засохло на корню. Когда в 1935 году умер Циолковский, вся страна хоронила его, вся страна скорбела о нем. Если бы это произошло раньше, за гробом учителя епархиального училища шло бы несколько друзей и близких, меся грязь калужских мостовых. Кому в старое время был нужен Циолковский?!

Этот человек, проживший такую трудную жизнь, около 80 лет тому назад доказал, что можно построить аппараты, способные преодолеть земное притяжение и выйти в небесные просторы. Он дал идею многоступенчатой ракеты и постоянных станций в космосе. И оставил сотни других идей, начиная от проекта цельнометаллического дирижабля до пишущей машинки, способной печатать на всех языках.

Циолковский — огромная гора мыслей! Эту гору разрыли, разработали и продолжают разрабатывать советские люди.

* * *

Стояла глубокая осень 1933 года. О том, что готовится необычный полет куда-то за пределы земной атмосферы, туда, где и дышать нечем, в Москве говорили давно. Но кто полетит? На чем полетят? Догадки были самые разнообразные. То, что над куполом земной атмосферы существует стратосфера, мы знали. Но стратостата, способного подняться в такую высь, мы себе представить не могли. Что это за штука — шар, дирижабль, самолет? Впрочем, самолеты тогда, если брать нынешние скорости и моторы, еле-еле царапали небо, и все понимали, что стратосферу им никак не осилить.

30 сентября сомнения и догадки разрешились: в небо взвился стратостат «СССР-1». Он поднялся на высоту в 19 тысяч метров и благополучно приземлился. В его гондоле находились три советских молодых парня: командир Георгий Алексеевич Прокофьев, пилот Эрнест Карлович Бирнбаум и инженер Константин Дмитриевич Годунов. Сообщения об этом полете были встречены с ликованием. Сам Пикар, бельгиец, пионер стратонавтики, был оставлен позади.

Вскоре вся Москва знала первых советских стратонавтов. Георгий Прокофьев, крепкий, ладно скроенный, в неизменной летной форме, с неторопливой обстоятельной речью, обыкновенный русский человек с лицом мягким и приятным, каких тысячи; сдержанный, немногословный Эрнест Бирнбаум, коренастый латыш; мрачноватый, застенчивый, вовсе молчаливый Константин Годунов стали самыми популярными людьми. Еще бы! Стратонавты! Слово-то какое — рожденное невиданной высотой! Они первыми из советских людей увидели, как наше обычное голубое небо превратилось в фиолетовое, потом в темно-фиолетовое, уходящее в сплошную чернь, как наша земля принимает на глазах шаровидную форму.

В воздухе у них были гордые позывные: «Говорит Марс»...

Прошло немногим более трех месяцев, и в январе 1934 года, в дни работы XVII съезда партии, взвился в небо второй советский стратостат. На нем находились Павел Федорович Федосеенко, Андрей Богданович Васенко и Илья Давыдович Усыскин. Федосеенко было 36 лет, Васенко — 35, Усыскину — 24 года. Это были отважные люди, уверенные в успехе, сильные духом... Стратостат Федосеенко поднялся на высоту более чем в 20 тысяч метров. Вначале все шло хорошо — страна с радостью ловила позывные стратостата: «Говорит Сириус»...

«Стратостат СССР-1» и его героический экипаж: Г. Прокофьев, Э. Бирнбаум, К. Годунов.

Стратонавты П. Федосеенко, А. Васенко, И. Усыскин.

ТОКОВ

Но потом все смолкло.

Стало ясно, что произошла катастрофа. В душе каждый понимал, что завоевание небесных высот не может пройти без жертв, но эта жертва всем казалась тяжелой и обидной.

...Прах трех героев покоится теперь на Красной площади, в Кремлевской стене. Вечная им слава!

...Остался в памяти еще один день — 5 сентября 1935 года. Над Москвой вставало ясное, чистое, необычайно теплое для сентября утро. Несмотря на ранний час, к Центральному аэродрому, что на Ленинградском шоссе, стекалось множество людей. Здесь Георгий Прокофьев должен был подняться снова в стратосферу, чтобы перекрыть свой собственный рекорд и завершить то, что не удалось сделать Федосеенко и его товарищам. Над зеленым полем аэродрома возвышался огромный овал стратостата. Он еще не в полной мере принял свои очертания, продолжалась накачка газа. До начала полета оставались считанные минуты, как вдруг над куполом стратостата блеснул желтый язык пламени, и через мгновение он запылал весь, как факел.

Полет не состоялся. Все уныло возвращались по домам.

Не так-то просто давался людям штурм неба!

* * *

Всех мы должны помнить, кто пролагал пути в небеса,— и инженера Фридриха Артуровича Цандера, творчески развивавшего идеи Циолковского, и летчика-испытателя первого советского реактивного самолета Григория Бахчиванджи, и летчиков-высотников, преодолевавших звуковые барьеры, и всех, кто, не щадя сил и подчас жизни, рвался в небо, ввысь, открывая людям новые, доселе не изведанные дали.

В 1957 году, всего 5 лет назад, поднялся в небо первый советский искусственный спутник Земли. Это казалось невозможным, невероятным. Но научно-технический прогресс в нашей социалистической стране развивается столь стремительно, что сейчас первый спутник представляется игрушкой по сравнению с теми космическими кораблями, на которых облетели вокруг Земли Юрий Гагарин и Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович. Однако этот первый спутник нам дорог, как первая любовь, как первая улыбка ребенка.

В 1959 году советские люди послали на Луну свой вымпел, и он находится там средь лунных скал. Помнится, как в Чехословакии, где я тогда был, сообщение о запуске лунника все встретили с необычайным восторгом. Нас, советских гостей на ярмарке в Брно, обнимали и целовали так, словно именно мы были непосредственными виновниками торжества. Русское слово «лунник» раздавалось на всех углах. Это было второе космическое русское слово, мгновенно приобретшее международное звучание. Первое было — «спутник».

ХХХ

Удивительную жизнь прожило мое поколение, те, кому сейчас шестьдесят или около этого. Мы видели первый кинематограф — мечущиеся тени на экране под аккомпанемент расстроенного рояля. Первые аэропланы, похожие на этажерки... Кто из нас, тогдашних мальчишек, не знал имен Уточкина, Васильева, Андреади! Первые радиоприемники, с наушниками, из которых доносился слабый писк. Первые громоздкие автомобили, нахально презираемые недальновидными извозчиками... И вот мы дожили до космических кораблей.

Интересно жить на свете, черт возьми!

СТАРТ ВО ВСЕЛЕННУЮ

В Актовом зале Московского университета собрались советские и иностранные журналисты, представители крупнейших телеграфных агентств и газет всего мира. Пресс-конференцию, посвященную полету Андрияна Николаева и Павла Поповича, открыл президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.

В его выступлении, в выступлениях профессора В. И. Яздовского и академика А. А. Благонравова были обобщены предварительные итоги беспримерного научного эксперимента. Затем на трибуну один за другим поднялись космонавты. Андриян Николаев рассказывает о своем подвиге скромно, по-деловому. Отвечает на вопросы корреспондентов коротко, точно. Говорит о своих ощущениях при спуске с орбиты, когда обмазка корабля стала трещать, а в иллюминаторах билось разноцветное пламя.

Павел Попович, рассказывая о космическом рейсе, яркими мазками дополняет картину группового полета.

Путь в космос, начатый Гагариным и Титовым, продолжен Николаевым и Поповичем дальше, к звездам!

На пресс-конференции. А. Г. Николаев, М. В. Келдыш и П. Р. Попович.

Фото Ю. Кривоносова.

И. ГАНЗЕЛКА и М. ЗИКМУНД В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

20 августа в гости к огоньковцам приехали прославленные путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. Редакция «Огонька» тепло встретила их.

— Мы прибыли в Москву в знаменательные дни,— сказал И. Ганзелка,— когда все человечество следило за полетом ваших космонавтов. Нам посчастливилось познакомиться с космическими путешественниками Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем. Мы сняли встречу космонавтов в Москве для телевизионного кинофильма. Должен сказать, что никогда еще у нас не было такой увлекательной и напряженной работы.

— Мы побывали во многих странах,— заметил М. Зикмунд.— Наш путь составил около ста восьмидесяти тысяч километров. Для этого нам понадобилось семь лет. А ваши космонавты покрыли такое же расстояние менее чем за семь часов!..

М. Зикмунд и И. Ганзелка поделились с огоньковцами своими дальнейшими планами. Они обещали прислать репортажи из Индонезии и Австралии. Чешские друзья просили передать горячий привет читателям «Огонька».

На фото: И. Ганзелка и М. Зикмунд в редакции «Огонька».

МИР ВОСХИЩАЕТСЯ

С того момента, когда Землю вместе с кораблями «Восток-3» и «Восток-4» облетела весть: «Русские снова в космосе!» — люди во всем мире выражают свое восхищение успехами нашей страны.

В один из дней «космической недели» у здания советского посольства в Софии.

Фото АПН — БТА.

ТОВАРИЩ КИРШОН

К 60-летию со дня рождения

До нашей встречи он представлялся мне в облике рослого, длинноволосого, с волевым подбородком парня — такими изображали на плакатах пролетариев в первые годы революции. Однако я увидел нечто другое: это был приятной внешности молодой человек, с доброжелательной улыбкой, с чувством юмора и открытым, живым взглядом.

Знакомство произошло у Горького. Алексей Максимович относился к Владимиру Киршону с нескрываемой симпатией, всегда слушал его очень внимательно. Впрочем, Киршон говорил так, что его нельзя было не слушать, — говорил убедительно, страстно, и доводы его были всегда искренними.

Когда я еще до того слушал Киршона, у меня часто создавалось впечатление некоторой узости его взглядов. Но вот однажды я понял, что он совсем не такой упрямый и жесткий рапповец, каким мне представляли его мои товарищи.

В то время в Московском театре сатиры репетировали пьесу «Таракановщина». Это была злая сатира на литературные нравы конца двадцатых годов. Как один из двух авторов пьесы, я, разумеется, был заинтересован в том, чтобы она пошла. Между тем пьеса, что называется, висела на волоске.

Снимок 1924 года.

И тут мне пришла в голову мысль позвать на генеральную репетицию Киршона. Я помню, что это испугало режиссера и директора театра. Доводы их казались убедительными: уж Киршон с его прямолинейностью и рапповской непримиримостью не примет сатиры, где изображается, как делает карьеру литературный деляга, выдающий себя за пролетарского поэта.

Репетиция кончилась, я подошел к Киршону, и, к удивлению моему, он возмутился, когда узнал, что пьесу могли снять с репертуара. Как я узнал позднее, он даже что-то сделал для того, чтобы премьера состоялась. Впоследствии он объяснял мне:

— Неужели вы думаете, что мы будем защищать жуликов, которые ради карьеры выдают себя за пролетарских поэтов? Очень полезная пьеса и к тому же смешная.

Пьесы В. Киршона имели успех, особенно комедия «Чудесный сплав». С ним не произошло того, что случилось с некоторыми другими нашими товарищами, — он не потерял вкуса к организационной работе и со свойственной ему энергией работал во вновь созданном Союзе советских писателей. В то же время он работал творчески как драматург и мог бы многое дать советской драматургии, если бы...

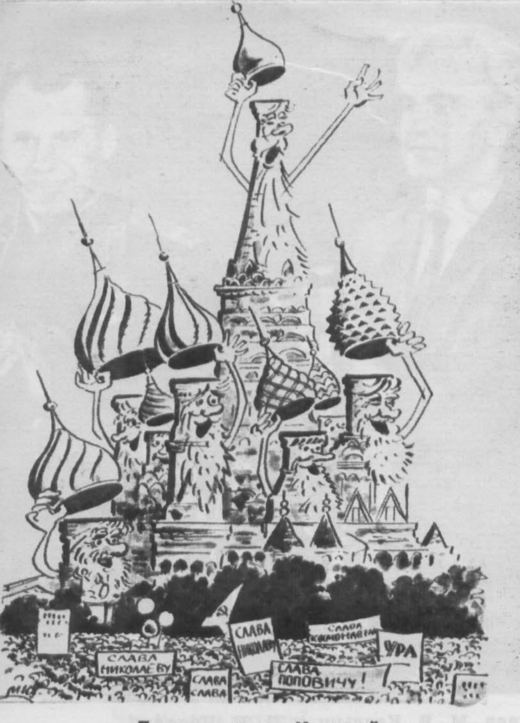
Здесь я перехожу к последнему эпизоду жизни этого даровитого и целеустремленного литератора, к его последнему выступлению в нашей среде.

Тяжко вспоминать об этом, но трудно вычеркнуть из памяти многолюдное собрание, когда многие из нас чувствовали, что некоторые выступающие в тот вечер товарищи, в сущности, произносят свое последнее слово.

Одной из самых сильных и значительных речей, которые я услышал в то время, была речь В. Киршона. В зале сидело немало его недругов, немало и таких, кто относился к нему равнодушно, но и они буквально были потрясены, видя, с каким достоинством, присутствием духа, силой воли он отвергал несправедливые обвинения. Ему бросали злые реплики, он не оставлял ни одну без ответа, он защищал свое достоинство советского гражданина, писателя-коммуниста.

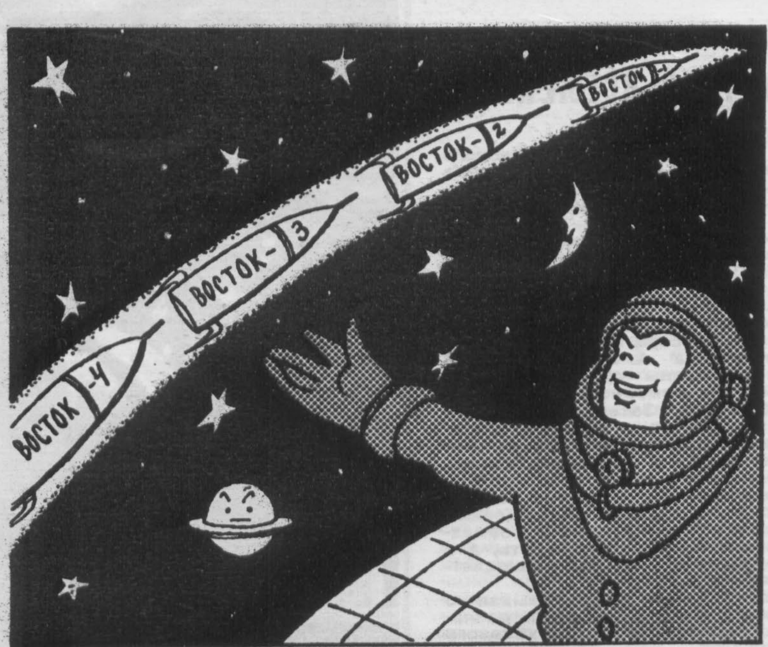
Это был последний день, вернее, вечер, когда я видел В. Киршона.

Лев НИКУЛИН

Ликование на Красной площади достигло наивысшей точки.

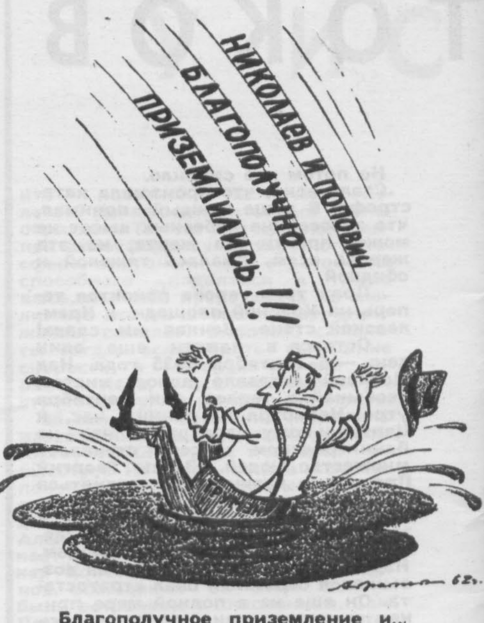
Рисунок И. Массины.

ОТ ПЕСНИ — К БЫЛИ.

— Я верю, друзья, караваны ракет...

Рисунок М. Вайсборда.

Благополучное приземление и... ...вынужденная посадка...

Рисунок М. Абрамова.

И МЫ!

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу решили, что я теперь тоже буду Беркут, а Мишка — Сокол. Потому что все равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут — такие красивые имена! И еще мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас не примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться, как сталь. И как только мы это решили, я пошел домой и стал закаляться. Я залез под душ и пустил сначала тепленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я ее довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идет так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше и пустил леденистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырками и так постоял с полчасика и здорово закалился! И когда я потом одевался, то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного мальчишку, как он посинел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носу, и я стал чихать. Мама сказала:

— Выпей аспирин и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня все!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

— Бе-еркут! А Беркут! Да Беркут же!

Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка! Я сказал:

— Чего тебе, Сокол?

А он:

— Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

— Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

— Не высовывайся так далеко! Упадешь! С кем это ты?

Я говорю:

— Ко мне друг пришел. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь!

Но мама сказала железным голосом:

— Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

— Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

— Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я все-таки немножко высунулся и сказал ему тихонько:

— Эх, Сокол, ты мой Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять все по-своему перевернул:

— И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой глаза и лежи, как в сурдокамере!

Я говорю:

— Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

— Ладно,— сказал Мишка,— ты устанавливай со мной, а я с тобой.

И он ушел.

А я лег на папин диван, и закрыл глаза, и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришел папа, и я принял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принес и разложил раскладушку.

Папа сказал:

— Что так рано?

А я сказал со значением:

— В ы к а к х о т и т е, а я б у д у с п а т ь.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

— Ребенок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это все тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит! Потом сами узнают из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошел сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

— Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

— Сокол, это ты?

А он:

— Что-что?

Я опять:

— Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

— Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это вы?

Я говорю:

— Какая там еще Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел, что ли?

А он:

— Кто это? Что за выражения? Хулиганство! Кто это говорит?

Я сказал:

— Это никто не говорит!

И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лег. И только стал задремывать, вдруг — зззззз! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я нашаривал тапочки, я слышал его серьезный голос:

— Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор прямо в чем мать родила, в одних трусиках.

— Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

— Это Сокол? Это Беркут! Сокол! Слушаю вас!

А Мишка:

— Докладывай, чем занимаешься!

Я говорю:

— Я сплю!

А Мишка:

— Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоем! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

Я прямо подпрыгнул.

— Молодец, Сокол! Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот, когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпаться соседи, они кричали: «Безобразие! Что случилось! Уже поздно! Распустились! Здесь коммунальная квартира! Я думала поросенка режут!»

Но папа им сказал:

— Это небесные близнецы, Сокол с Беркутом, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

...На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!

О ПОЛЬЗЕ ГИМНАСТИКИ

Шутка

ЛАСЛО ФЕЛЕКИ

Венгрия

Больше всего меня волновала утренняя гимнастика небесных братьев. В космосе уже многое случалось, но до сих пор никто еще не занимался там спортом. Именно поэтому я обратился к руководителю спортивного отдела Венгерского общества астронавтов Михаю Рабочан, попросив его рассказать о расширении спортивной жизни в мировом масштабе. Михай Рабочан охотно откликнулся на мою просьбу.

— Какие виды спорта вы предлагаете космонавтам?

— К сожалению, пока нельзя посоветовать бег на длинные дистанции, футбол, скачки по пересеченной местности. До них дойдет очередь тогда, когда увеличатся размеры космического корабля или же будут созданы новые площадки для молодежи мира. Пока наиболее подходящее — гимнастика. Если кто-нибудь прыгает на высоту в двести пятьдесят километров, то он тем самым развивает мышцы, улучшает кровообращение. Очень полезно также делать круги над Землей каждые 88 минут.

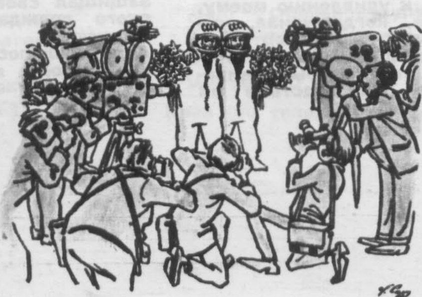
Мы спросили у мастера, каково его мнение о будущем космического спорта. Он ответил:

— Об этом рано говорить, ведь даже Международная федерация гимнастики еще не разработала комплекса космической зарядки. По-моему, интересное будущее у игр с мячом — космического поло, где мячом может служить астероид круглой формы. В атлетике можно ввести большие звездные испытания. Что, если брошенный молот вылетит за пределы солнечной системы? Трудно будет применить традиционные методы измерения расстояния... В парусном спорте надо использовать световое давление. Так как в космосе довольно холодно, много радости будет у любителей зимнего спорта... Выходите на космические старты товарищи спортсмены!

НА ЗЕМЛЕ — КАК В КОСМОСЕ

Многократные перегрузки

Аппаратура работает бесперебойно.

Установлена двухсторонняя связь.

Рисунки Л. Самойлова.

СЛОВО «КРОКОДИЛУ»

«Жил да был крокодил...»

Кто знает, не эта ли начальная строчка известной детской поэмы Корнея Чуковского и дала название первому советскому сатирическому журналу? Так или иначе, но «Крокодил» родился и благополучно здравствует вот уже 40 лет.

Полюбился этот журнал советскому читателю. Народ наш веселый, жизнерадостный и ценит веселое, острое слово. Когда «Крокодил» только что родился, начал раскрывать рот и показывать свои острые зубы, у колыбели зубастого младенца стоял старый правдист К. С. Еремеев. «Крокодил» пестовали Н. И. Смирнов, Феликс Кон, Михаил Кольцов, Михаил Мануильский, Григорий Рыклин, Сергей Швецов и, наконец, Мануил Семенов. Целую плеяду сатирических авторов, завоевавших признание и любовь народа, вырастил журнал за сорок лет своего существования. В «Крокодиле» работали Владимир Маяковский и Лебедев-Кумач, Ильф и Петров, в отдельности и вместе, старые сатириконцы — Аркадий Бухов и Николай Агнивцев, А. Архангельский и В. Катаев. Известны читателям имена Л. Лагина, М. Пустынина, В. Ардова, Арго и других писателей-сатириков.

Блестящие карикатуры Дени, Моора, К. Ротова, Ю. Ганфа, Л. Бродаты, И. Малютина, М. Черемных, Бор. Ефимова, Кукрыниксы, А. Каневского, И. Семенова и многих других составили славу «Крокодила» как журнала боевой политической сатиры.

Теперь молодежь пришла в «Крокодил» — молодые авторы, новые молодые имена. Нелегок их путь, ибо сатира — это не поле, усыпанное розами. Пусть же они с честью несут знамя советской сатиры, на котором мы все привыкли в качестве эмблемы видеть зубастого пресмыкающегося. Кстати, у крокодилов, как известно, зубы никогда не выпадают — отмирают старые, растут новые.

Побольше зубов и поострее, товарищи крокодильцы!

«Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол»,— не верь глазам своим».

Козьма Прутков.

Владимир ДЫХОВИЧНЫЙ, Морис СЛОБОДСКОЙ

СЛУЧАЙ С ИШАКОМ

Какой-то сторож в зоопарке,
В труде — небрежен,
в пьянстве — лют,
Хлебнув «горилки» или
«старки»,
Над клеткой ишака в запарке
Повесил вывеску: «Верблюд».

Смешит табличка любопытных,
Не знают, как ее понять.
Завсектором однокопытных
Ее бы должен сразу снять.
Но он в смятенье: «Нет,
неловко!
Ведь как-никак висит доска,
А раз такая обстановка,
Быть может, это установка —
Считать верблюдом ишака?
Что ж, встретим с поднятым
забралом
Мы директивный этот акт!..»
Своих сотрудников собрал он
И заявил:
«Печальный факт!
Свои ошибки в этом деле
Я первый признаю в тоске,
Мы проморгали, проглядели
Верблюда в бывшем ишаке.
Но нас поправили. Спасибо!
Пойдет нам этот случай впрок.
Чтоб на дальнейшее могли бы
Мы из него извлечь урок!
Ведь если мы без догматизма
К ослу сегодня подойдем,
Мы все приметы верблюдизма
Немедля обнаружим в нем.
Свою безрукость, неуклюжесть
Исправим мы без лишних слов:
Мы пересмотрим на
верблюжесть
Его и остальных ослов!»

Но тут (вы, верно, догадались?)
Наш сторож протрезвел слегка,
И, чтоб в народе не ругались,
Он вновь плакат «Осел
вульгарис» —
Прибил над клеткой ишака.

Опять над клеткою обновка...
И вновь однокопытный зав
Решил, что это установка.
А раз такая обстановка,
Он, вновь сотрудников собрав,
Им заявил:
«Давайте дружно
Отметим тот приятный факт,
Что совершен полезный, нужный
И своевременнейший акт.
Где был ишак? Он был под
спудом!
Но восстановим статус-кво,
Признаем честно, что
верблюдом
Напрасно звали мы его!
Был этот вредный путь опасен,
Мы совершили ложный шаг,
Зато теперь ишак нам ясен
Не как верблюд, а как ишак!
Его ишачество бесспорно,
И это так и только так!»

* * *

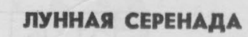
Все ясно!
Лишь ишак упорно
Понять не может: кто ж ишак?

УТЕШЕНИЕ

Эмиль КРОТКИЙ

Не тужи, что лыс,
Не тверди, что стар,—
Как актер на «бис»,
Выходи на старт.
Иль горам укор,
Что всегда была
У высоких гор
Голова бела?
Тот, кто жил, удрав
От великих дел,
Тот досель кудряв
И не поседел.
От больших идей
Голова седей.
Тот, кто был мудрей,
Не сберег кудрей,—
Облысел, одрях...
А дурак в кудрях!
Не тверди ж: «Я стар»,
Не тужи, что лыс,
Выходи на старт,
Как актер на «бис».

ЛУННАЯ СЕРЕНАДА

Александр ЖАРОВ

В годы юные к дому подруги
Кто из нас не спешил при луне!
Ах, Луна! Не забуду услуги,
Что тобою оказаны мне.

Ты и в роще нам с милой
светила
И тропинкою к речке водила,
Улыбалась, мила и скромна...
За вниманье спасибо, Луна!

Ты лети, напев лирический,
По дороге по космической!
На ракете далеко ли до Луны?..
Ты неси Луне, ракета,
Не один, а два привета:
От меня и от моей жены!

По пути на другую планету
Мы к тебе заглянули б, Луна.
Но возьмут ли двоих нас
в ракету?
Говорят, тесновата она...

Пусть теперь уж летят молодые!
Ну, а мы будем, словно
впервые,
Любоваться тобой из окна,
Наша добрая сваха — Луна!

Ты лети, напев лирический,
По дороге по космической!
На ракете далеко ли до Луны?
Ты неси Луне, ракета,
Не один, а два привета:
От меня и от моей жены!

Борис ЕГОРОВ

Самоваров был на две головы выше окружающих как в прямом, так и в переносном смысле. Он был очень высокого роста и занимал должность управляющего трестом.

Дела в тресте шли неважно. И прежде всего по той причине, что Самоваров никому не доверял. Что бы ни требовалось сделать, какой бы вопрос ни возник — спецовки ли купить или в мастерских вентилятор поставить,— все мог решить и разрешить только он — Самоваров.

А раз так, то нижестоящие начальники ничего не решали и не разрешали. И дело стояло.

Приезжает Самоваров на стройку, а люди к нему с жалобой:

— Товарищ Самоваров, у нас в общежитии бачка для кипяченой воды нет.

— Безобразие! — звенящим басом говорит Самоваров.— Сколько вам нужно? Штук пять хватит?

И обращается к своему помощнику, который на шаг сзади держится:

— Вернемся в трест, напомните мне. Распоряжусь.

Помощник записывает.

Или еще жалоба:

— Товарищ Самоваров, нам премию не выплатили.

Самоваров смеется:

— А хорошо вы работали?

— Хорошо.

— Добре. Всех премирую!

И опять к своему помощнику повертывается и этак небрежно говорит:

— Напомните мне...

А иногда Самоваров возьмет и неожиданно подойдет к какому-нибудь рабочему.

— Что невесел, братец? — спрашивает.

— А чего ж тут веселиться? — отвечает тот.— Струмент плохой, все время ломается. Матерьял не вовремя подают. Разве норму тут выполнишь? Сколько прораба ни просили, ничего не решает.

Самоваров хлопает своего собеседника по плечу:

— Не решает, говоришь? Струмент, говоришь? Матерьял, говоришь? Считай, что решили!

И кидает помощнику:

— Напомните мне.

А дела в тресте тем временем хромали больше и больше. Прослышал об этом начальник, который выше Самоварова, и приехал посмотреть, что и как. Ходил, с людьми говорил, узнал, в чем корень бед, и сказал:

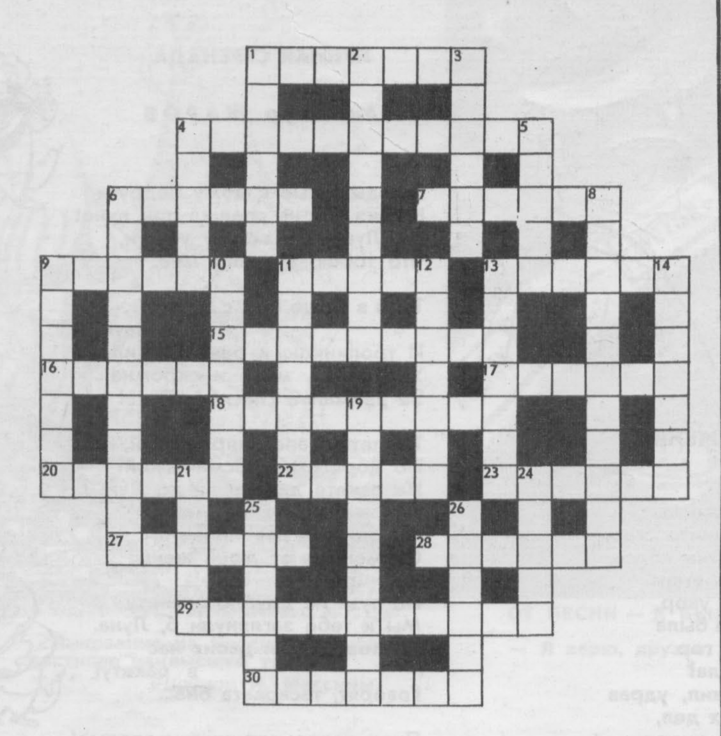
— Товарищ Самоваров, мы дадим приказ о вашем освобождении. Вы не соответствуете.

И, повернувшись к помощнику, который его сопровождал, добавил:

— Напомните мне.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Новое государство в Африке. 4. Актриса Малого театра. 6. Нижний ярус лож. 7. Шерстяная ткань. 9. Наборный знак. 11. Медоносное растение. 13. Опера П. И. Чайковского. 15. Документ на право временно пользоваться вещами, услугами. 16. Отдых в пути. 17. Часть света. 18. Прибор, указывающий скорость автомобиля и пройденный путь. 20. Приправа к блюдам. 22. Объявление о спектакле, лекции. 23. Камера для работ под водой. 27. Русский металлург XIX века. 28 Усадьба-музей И. Е. Репина. 29. Драгоценный камень. 30. Спутник планеты Уран.

По вертикали:

1. Холм в пустыне. 2. Математическое действие. 3. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 4. Мужской голос. 5. Главная артерия. 6. Коробка для сбора растений. 8. Роман Г. Сенкевича. 9. Город в ГДР. 10. Озеро в Прикаспийской низменности. 11. Основатель книгопечатания в Белоруссии. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Крупнейший массив суши. 14. Химический элемент. 19. Спортивные соревнования. 21. Приток Невы. 24. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 25. Ученое звание. 26. Жанр театральных и цирковых представлений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

3. Житомир. 7. Брумель. 8. Авиация. 10. Околица. 11. Август. 13. «Кортик». 15. Покос. 17. Истра. 18. Сазан. 19. Орнитология. 20. Юнона. 22. Архив. 23 Арена. 25. Янтарь. 26. Натура. 27. Полотно. 29. Легенда. 31. Половик. 32. Америка.

По вертикали:

1. Стиль. 2. «Смена». 3. Железо 4. Ретина. 5. Трибуна. 6. Кипарис. 9. Блик. 11. Аксинья. 12. Тетрадь. 13 Капитан. 14. Крапива. 15. Прима. 16. Скоба. 21. Асафьев. 22. Артерия. 24. Енот. 27. Панама. 28. Орлова. 30. Артек. 31. Парик.

На первой и второй страницах обложки фото Л. Бородулина и Ю. Кривоносова.
На последней странице обложки: К звездам!
Рисунок А. Соколова.

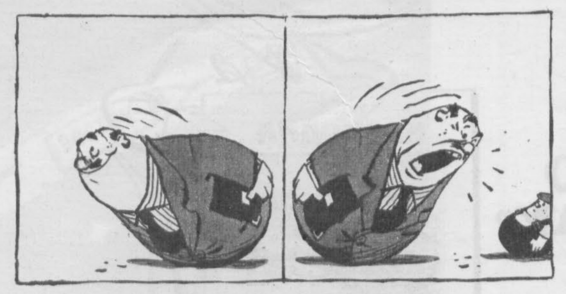
Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-43; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00528. Подписано к печати 22/VIII 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 860 000. Изд. № 1294. Заказ № 2361.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

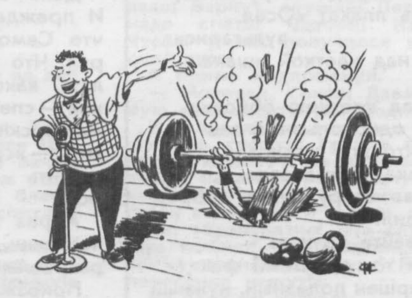
Руководящий Ванька-Встанька.
Рисунок Е. Мигунова.

Из дома отдыха возвратясь...
Рисунок Ю. Черепанова.

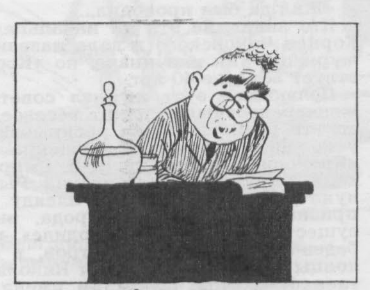
— Прибивай крепче, а то отдыхающие снова сорвут!
Рисунок Г. Андрианова.

— Рекордный вес!
Рисунок И. Сычева.

ИСХОДЯ ИЗ ОПЫТА.

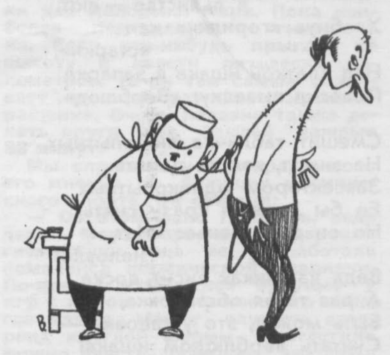
А теперь...

перейдем...

К критике!
Рисунок А. Цветкова.

ЧТО У КОГО БОЛИТ...
— Доктор, что вы там подслушиваете?
Рисунок М. Вайсборда.

Лев: «Ты говорил или не говорил, что я тунеядец?»
Рисунок И. Сычева.

НАДЮША

Агния БАРТО

Встали девочки чуть свет,
В сад спешит бригада.
Говорит Надюша вслед:
— Больше всех им надо!

Посадили деревца —
И заботы хватит.
Для чего же без конца
Бегать поливать их?

В гости к девочке больной
В праздник шла бригада.
Снова голос за спиной:
— Больше всех им надо!

Я у девочки больной
В будни посидела,
Что мне тратить выходной
На такое дело?

Шли подружки не спеша,
Вышел спор в бригаде:
— Интересно, есть душа
У Смирновой Нади?

И, орешки шелуша,
В голосе досада:
— Для чего же мне душа,
Больше всех мне надо?!

Рисунок В. Горяева.

Вот и выросла РЕПКОНТОРА, большая-пребольшая!

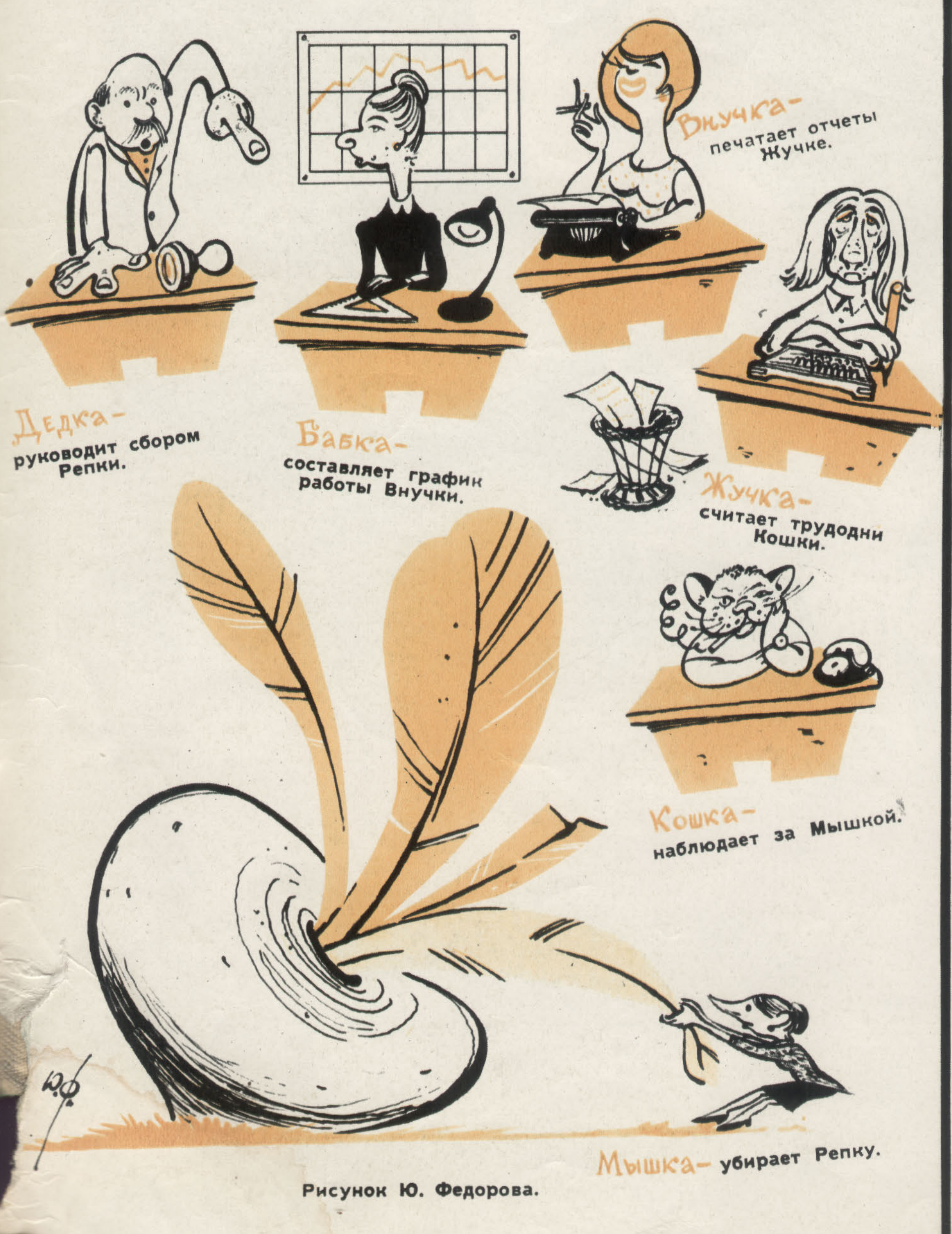

Рисунок Ю. Федорова.

Боннские атлеты. Рисунок Бор. Ефимова.

Роковая привязанность. Рисунок Е. Шукаева.

Цена номера 30 коп.